

The background of the cover is a full-page illustration. It depicts a woman with long, wavy brown hair, seen from behind, wearing a long, flowing blue dress with puffed sleeves. She is holding a sword with a golden hilt. She stands in a snowy forest at night, looking towards a large, bright full moon. The trees are dark and bare, and the ground is covered in snow. In the foreground, a large, grey wolf is lying down, looking towards the viewer with glowing green eyes. The overall mood is mysterious and magical.

Марианна Красовская

16+

Милослава: (не)сложный выбор

Марианна Красовская

Милослава: (не) сложный выбор

«Автор»

2020

Красовская М.

Милослава: (не) сложный выбор / М. Красовская — «Автор», 2020

Когда кнес Градский предложил своей дочери Милославе самой выбрать жениха - она серьезно задумалась. Степной хан ей люб, а брак с князем оборотней обещает комфорт и беззаботность. Что важнее в жизни - рай в шалаше (то есть в степном шатре) или покойная жизнь в высоком тереме? А может быть, всё уже давно решено за неё, только девушка об этом не догадывается? И день ее свадьбы окажется совсем не таким, каким она его себе представляла...

Содержание

Глава 1. Непростой выбор	5
Глава 2. Степняки	13
Глава 3. Ближний круг	20
Глава 4. Женихи	27
Глава 5. Ярмарка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марианна Красовская

Милослава: (не) сложный выбор

Глава 1. Непростой выбор

Подслушивать под дверями порой очень полезно. Самые интересные вещи я обычно узнаю именно таким несправедливым способом. Вот и сегодня я замерла рядом с отцовской горницей, по-иностранному именуемой кабинетом, внимая его словам.

Точнее, вначале я услышала голос мачехи:

– Кнес¹, меня очень беспокоит Святослава. Ей уже шестнадцать, ее пора выдавать замуж, пока она не опозорила семью. Девочка строит глазки всем особям мужского пола без разбора. Она заигрывает даже с конюхом. Если быстро не выдать ее замуж – она принесет в подоле.

– Линд, мы не можем выдать Славу замуж раньше старшей сестры. Это недопустимо! – ответил отец.

Старшая сестра, то есть я, истово закивала головой. Что Славе пора замуж, и побыстрее, я тоже прекрасно понимала. Девочка, как говорится, созрела. Да у нее уже грудь больше чем у меня! А уж когда она надувает губы, хлопая длинными ресницами, поводя плечами – и святого сможет соблазнить.

– Значит, нужно срочно выдавать замуж Милу! – жестко сказала Линд. – И то сказать, девочке двадцать один год. Доколе ты ее возле себя удерживать будешь?

Вот за что я люблю мачеху – она с батюшкой не церемонится. Если мягкая нежная Линд разговаривает с кем-то таким тоном – лучше соглашаться с ней во всем.

Мачеха совершенно права. Я уже почти перестарок. Еще пара лет – и меня замуж даже с моим приданым не возьмут.

Не то, чтобы мне было нужно замужество, но это лучше участи старой девы. Батюшка отчего-то тянул с этим делом, а я и не напоминала ему, упиваясь такой сладкой свободой.

В отцовском доме хозяйка я, не мачеха. Мачеха какое-то время пыталась вести хозяйство, но получалось у нее не слишком хорошо. Слуги ее хозяйкой так и не признали. Оно и понятно, не ровня Линд кнесу.

Линд была танцовщицей в бродячем цирке, где ее батюшка и нашел. Первая жена, моя мама, год как умерла от лихорадки. Увидел циркачку батюшка и пожелал в постель взять. Она ведь совсем юная была, младше, чем сейчас Славка – едва пятнадцать исполнилось.

Линд и сейчас очень красивая, яркая, слишком яркая для знатного рода. Волосы у нее неприлично рыжего цвета, как заморские фрукты апельсины, глаза зеленые, кожа белая-белая. Сколько уж она притираний изводит на нее, избавляясь от простонародных веснушек! Сейчас, в ее довольно почтенном возрасте, она самая красивая из всех моих знакомых, а тогда, вероятно, и вовсе мужчин с ума сводила. В цирке житье не сахар, вот Линд и поддавалась соблазну, согласилась на предложение кнеса стать его содержанкой. Да и нравы в народе попроще. Никто не требует от простолюдинок, чтобы себя блюли. Это только в знатных семьях соблюдают приличия, да и то – только с виду.

А как Линд понесла, батюшка подумал немного и женился на ней. На сына надеялся, наследника. А родилась Славка.

Я куда более завидная невеста. Первая-то жена у отца была очень знатного рода – одна из дочерей государевых. Стало быть, прежний государь – мой дед, а нынешний – мой дядя.

---

¹ Кнес – высшее дворянское звание в Славии. Супруга кнеса – кнесса, дети: кнесинка либо кнесич (последнее употребляется крайне редко, чаще первого сына, наследующего имение, называют младшим кнесом)

Дочерей у прежнего государя много было, от разных жен и наложниц. Вот и награждал ими своих воинов за верную службу.

Приданое у меня немаленькое – пара деревень, да лес, да поля, где хлеб сеют, да две мельницы и речка.

Да только много нас таких, внучек государевых. А женихов, равных нам, намного меньше.

А у Славки всего и богатства, что батюшкино благословение, сундук с золотом, да красивая грудь.

И характер еще, конечно.

Легкая она как птичка, щебечет, смеется, наряжается. Такая жена больше мужчинам по нраву. Ума-то у большинства своего хватает, а вот такие, как Славка да как Линд, исключительно для любви созданы.

Хотя Линд намного умнее, чем кажется на первый взгляд.

С самого начала, сообразив, что прислуга подчиняться ей отказывается, пошла плакаться к свекрови. Говорят, бабка мою мать не любила, а вот в Линд души не чает. Правду сказать, и мачеха моя к бабке со всем уважением относится – и кусок ей лучший за обедом положит, и подарки дарит, и матушкой называет. Свою-то мать она никогда и не знала – в цирке все дети общие были.

Так свекровь хозяйство и вела, а потом и я уже в возраст вошла.

Батюшка меня не слишком любит, но и замуж выдавать не спешит. Сватались ко мне многие, да всем отказано было. А два последних года и сватов уже не засылали, ждали, пока Славка подрастет.

Интересно, как я из дома уеду, кто хозяйкой останется? Неужто Линд придется воевать со слугами? Впрочем, меня это волновать уже не будет.

Я поднялась в свою горницу, подняла тяжелую крышку сундука с моим девичьим приданым.

Уж сколько велось разговоров, что все эти простыни, полотенца да сорочки – пережиток прошлого! К чему везти в дом мужа кумачовую скатерть да дюжину батистовых пеленок – как будто своего добра у него нет?

В крестьянских семьях, конечно, такое приданое – неплохое подспорье, да и в семьях победнее пригодится.

А дочкам кнеса это зачем?

Тем не менее, Линд заставляла нас со Славкой зимними вечерами прясть шерсть, расшивать бисером шали, шить нижние юбки, которые уже двадцать лет никто не носил. Славка, конечно, ныла, но с матерью не поспоришь.

Меня Линд не больно строжила, на то была бабка, а Славку могла и хворостиной отходить. Всё пыталась из нее кнесинку сделать. Но со Славки как с гуся вода – поплачет да побегит к отцу жалеться.

Богатое приданое у меня: две дюжины тонких простыней, два лоскутных одеяла, три подушки гусиного пуха, десяток батистовых сорочек, расшитое покрывало, несколько отрезков шелка да парчи, чулки да платки без счету. Хорошо хоть от скатерти и ковра удалось избавиться. И это только один сундук. В другом сундуке мои платья, обувь, пелерина меховая, перчатки и шали.

Что ж, за приданое стыдно мне не будет.

А всё же волновалась.

Кого же отец мне в женихи выберет?

Сейчас ближних женихов трое: князь² оборотней Волчек, сиятельный кнес³ Ольхов и степной хан⁴ Таман. Из дальних, конечно, имелись те же внуки прежнего государя, двоюродные, стало быть, братья. Степень родства не запретная к браку, но и не самая желательная.

А те трое ближних женихов – один другого лучше, хоть плачь. Сиятельный кнес дважды вдов. У него полный дом детей. Старшая дочь его ровесница Славки. Возраст его меня не смущает, сиятельный далеко не стар, по-мужски красив и, судя по количеству детей, вполне силен в постельном деле. Вот только в доме его я буду непонятно кем. Я сама-то с одиннадцати всем хозяйством заведовала, а Ольховские дочери того старше. Не допустят меня к управлению домом – кто я буду? Чем заниматься? Детей рожать – а надо ли ему еще детей? Красоты ради? А сколько у меня той красоты? Да и возраст уже не юный. Я не Линд, и сейчас-то раскрасавицей не слыву, а через десять лет и вовсе даже то малое, что у меня есть, растеряю.

Вот матушка моя куда красивее была. Ее парадный портрет в большой столовой висит – там она, пожалуй, и Линд красивее.

Невысокая, стройная, полногрудая, с каштановыми косами до самого пола, смотрит спокойно, с достоинством. Глаза колдовские, будто золото.

Мне от матушки только косы и достались. Толстые, каштановые с красным отблеском. До пола не доросли, конечно, срезали мне волосы, когда в детстве с лихорадкой болела, но почти до колена спускаются.

Возни с такими волосами много, а всё же я кнесинка, на то у меня девки дворовые есть. Целый день у них на мои волосы в банный день уходит: распустить, вычесать, промыть мылом да водой с травами, маслами умастить, снова промыть, расчесать, высушить, заплести.

В простой семье обрежали бы мне их по плечи, да дело с концом.

Как знать, не придется ли в замужестве и стричь волосы...

Во всяком случае, у Тамана мне с косами жизни не будет.

Тамана я давно знаю, почитай, с детства. Еще отец его, степной хан, с моим отцом побратался. Во многом благодаря моему отцу отец Тамана под себя степь и подмял. Что уж у них за история была, мне неизвестно, а только в детстве я часто с Таманом наперегонки по двору носилась, да и в степь меня отец нередко брал.

Знаю я, что Таман ко мне трижды сватался.

А еще он первым оказался, с кем я поцеловалась.

Мне было пятнадцать, когда меня ко двору государеву представили. Так вышло, что и Таман на том балу был. Черноволосый, невысокий, с раскосыми глазами, в своих шальварах и степной рубахе с жилетом выглядел он как белая ворона среди статных офицеров в мундирах да бояр в придворных сюртуках. Над ним не смеялись, нет. Только шепотки, косые взгляды, еле заметные усмешки. Он стоял в одиночестве у окна весь темный лицом, сверкая узкими черными глазами.

Я, никого не знающая, совершенно оглушенная суматохой первого в моей жизни бала, обрадовалась ему как родному.

В тот день у меня было много партнеров в танцах, но Тамана я сама просила танцевать со мной первым. Танцевал он прекрасно, тогда мы еще были одного роста, рука на моей талии прожигала меня сквозь платье.

---

² Князь – титул иностранный. У оборотней своя иерархия, хотя уже две сотни лет они подчиняются государю. Князь – звание внутреннее, и в Славии не считается каким-то титулом, хотя князья и считаются выше, чем обычные помещики. Принято считать, что князь – это недокнес. Поэтому большинство князей стараются выслужиться и получить право брать в жены дочерей кнесов, дабы называться согласно нашим обычаям

³ Сиятельный кнес – кнес из ближней родни государя, брат, либо дядя, либо второй сын, либо брат/отец/дядя государыни

⁴ Степь – ближе к нам государство, даже и не полноценное государство, а союз полудиких племен, кочевников. Неоднократно Славия пыталась подмять Степь под себя, но каждый раз встречала такой отпор, что потом долго жалела. Нынешний государь со Степью замирился и на ее автономию не покушается. У степняков есть какое-то свое исконное название их земель, но и они уже по-нашему говорят просто «Степь»

Он назначил себя в тот вечер моим кавалером. Отец не возражал, как никак, Таман – наследник хана, по статусу как сын государя.

Видя его благосклонность, и прочие молодые девушки принялись ему улыбаться – не столько из интереса к нему, сколько чтобы досадить мне, выскочке и серой мышши.

Однако к вечеру разгоряченные мужчины завели разговор про государева жеребца, великой красоты и стати, но необъезженного и неуправляемого: дескать, трех конюхов искалечил, никого к себе не подпускает. Конечно, сразу нашлись желающие эти слова опровергнуть, и государев сын щедро пообещал жеребца подарить тому, кто на нем хотя бы пятнадцать минут продержится.

Государь кивнул благосклонно, явно понимая, что задор из молодых людей должен куда-то выплеснуться. Пусть лучше десяток глупцов поломается, чем заведут драку прямо в бальном зале: мебель ведь разнесут да семьи рассорят. Батюшка говорил, на балах это не редкость.

Таман тогда дерзко заявил, что не родился еще конь, который может его сбросить.

Его подняли на смех.

Барышни остались в зале, прилипнув к окнам, юноши отправились вниз, на лужок, а конюхи вывели жеребца.

Надо сказать, это действительно был дикий зверь. Абсолютно черный, с чудной гривой, тонкими ногами и великолепной статью – я такого красавца видела впервые. Четверо конюхов с трудом удерживали бьющегося жеребца.

Желающих показать молодецкую удаль резко поубавилось, все же среди гостей откровенных дураков не было, таких старались ко двору не допускать. Смотрели друг на друга, никто не желал первым опробовать жеребца.

Я только посмеивалась. Мне ли не знать, что Таман – лошадиник? Он из тех степняков, который любого коня заговорить может. Дар для его народа нередкий, но у него он особенно сильный, да это и понятно – и мать у него лошадица, оттого и в шатер хана попала, любимой женой сделалась, и отец довольно сильный шаман. Таман и меня учил немного. Мне такая наука впрок не пошла, я с нечистой кровью. Лошади меня хоть и не боятся, но за свою не признают.

Таман, пока остальные набирались мужества, обувь скинул и на коня вскочил. Конюхи его спустили, и понеслась. Конь танцевал, пытаясь сбросить непрошенный груз, вставал на дыбы, подкидывал круп, а после понесся галопом прочь.

Думаю, протрезвели все участники действа. Особенно поменялся в лице государев сын. Вот только дипломатического скандала ему и не хватало. Шутка ли – угробить старшего сына степного хана, наследника ханства?

Однако минут десять спустя Таман и конь вернулись лучшими друзьями. Конь стоял спокойно, позволил степняку расседлать себя, обтереть и увести на конюшню. Никого другого не подпустил. Государев сын Тамана на радостях расцеловал, объявил своим лучшим другом и велел коня забирать. Конечно, после этого на балу он был нарасхват. Его облепили девушки, мужчины норовили пожать ему руку, стукнуть по плечу, похвалить и просто спросить совета по коневодству. Степняк вел себя учтиво и приветливо, и к окончанию бала был всеобщим любимцем.

В свете его славы погрелась и я. Девушки наперебой расспрашивали меня о Тамане, о степняках, об их жизни. Я рассказывала про звезды над ночной степью, про бескрайние просторы, про веселые праздники и нарядные шатры. Конечно, я умолчала о жареной конине, кислом кобыльем молоке, ужасающей грязи, о том, что степнякам их степной бог позволяет иметь четырех жен и сколько угодно наложниц, о целых семьях, замерзающих холодными бесснежными зимами. Ни к чему это знать юным прелестницам. Ведь возможно, одна из них отправится в эту степь невестой Тамана.

Думала ли я, что этой невестой могу оказаться я? Естественно. На тот момент мне казалось это ужасно романтичным.

После бала, уже за полночь, мы отправились в городской дом отца, совсем небольшой, на три спальни, в одной из которых жила постоянная прислуга. Ни к чему нам держать большой дом в столице, если выезжаем мы семьей не чаще двух-трех раз в год. Отец, конечно, бывает при дворе гораздо чаще, но мачеха не любит столицу, ощущая себя там простолюдинкой, а не кнессой.

Чуть позже к нам приехал Таман.

Отец был в возрасте, когда балы крайне утомляют, едва не уснул в карете, а уж в доме сразу поднялся в свою спальню и боле не выходил. Во мне же жило еще возбуждение юности. Ноги гудели, голова кружилась.

Испытывала ли я после такое же счастье? Это была, пожалуй, та самая ночь, когда во мне проснулось женское естество, когда я ощутила себя красивой, живой.

Таман, наверное, и сам не понимал, зачем заявился к нам среди ночи, зачем стоит на крыльце, куда я вышла его встретить, не захотев беспокоить наших слуг. Он говорил что-то про коня, которого обязательно подарит мне, про бал, про степь, я не слушала, меня трясло от предвкушения чего-то нового, что перевернет мою жизнь. Заметив, что я дрожу в тонком шелковом халате (а ведь ночь была теплой, как никогда), он снял с себя жилетку, надел на меня и больше не отпускал. У него были горячие жадные губы и горячие очень бережные руки. Он не позволил себе ни единого лишнего движения, но с такими поцелуями это было и не нужно. Позови он меня с собой в ту ночь – я бы села с ним на коня и уехала не раздумывая.

Но степняк был благороден, он меня отпустил, пообещав просить моей руки у отца – завтра, нет, уже сегодня.

Мы уехали поздно утром. Виделся ли Таман с отцом, нет ли – я тогда так и не узнала. У нас он после этого не появлялся довольно долго.

Что и говорить, воспоминания волнительные, приятные. Первый поцелуй на всю жизнь запоминается, а как Таман меня боле не целовал никто.

Я даже сейчас губы тру, чтобы стереть память его поцелуев.

На лестнице раздался топот бегущих ног. Славка еще сущий ребенок – ходить так и не научилась, всё бегаёт. Не при матери, конечно. При матери она старается сдерживаться. При мне можно. Я ее полюбила в тот момент, когда увидела, как она, совсем малышка, бежит, спотыкаясь за кошкой. Она и в детстве постоянно бегала, и сейчас не изменилась.

– Милка! – распахнула она дверь в горницу. – Мила! Тебя отец зовет!

– Иду, Слава, – поднялась я с пола. – Только шаль накину.

– А что ты тут сидишь? – с любопытством спросила сестренка. – Одна, да в темноте? Хоть бы завеси раскрыла или свечи зажгла!

– Приданое смотрела, Слав, – пояснила я. – Не завелась ли мошь, не нужно ли проветрить.

– Прида-а-ано-о-ое? – протянула Святослава. – А зачем?

– Замуж собираюсь, – серьезно ответила я. – Сейчас отец мне жениха скажет.

– Откуда знаешь? – поразились Славка.

– Вода поведала, – пошутила я.

От бабки мне достался водный дар. Или от отца. Отец знатный водник.

У меня дар точь-в-точь как у его матери – средненький. С водой разговаривать умею, заговоры плести, колодец скажу где строить, дождь позову.

Славка мне страшно завидует. И то сказать, ее огненный дар никому не интересен. Ну кроме как огонь в очаге зажечь или свечи.

От воды пользы в хозяйстве намного больше.

Вот и сейчас Славка обиженно поджала губы. Глупая, не понимает, что чем сильнее и полезнее дар, тем больше спрос с его обладателя. Для женщин сила скорее недостаток. Все равно много не расколдуешься, а силу выплескивать надо, иначе с ума сойдешь.

Впрочем и тут у меня преимущество: воды кругом куда больше, чем огня, и безопаснее она.

Вот всё Славку за бег по лестнице ругаю, а сама туда же, бегом вниз. Батюшку лучше не раздражать без причины, да и имя жениха узнать очень хочется.

Одного прошу, богиня: только не Таман!

Пред дверями проверила себя, всё ли в порядке, не мята ли юбка, не растрепались ли косы, и зашла не без робости. Батюшка ко мне обычно суров, это Славке он всё прощает, а мне обязательно выскажет, коли я его огорчу.

– Милослава, дочка, проходи, – сказал кнес.

Сидел он не за столом, а в своем любимом кресле, стало быть, беседа будет не деловая, а семейная, мирная.

Прошла, села у ног его, на мягкую табуреточку. Такова наша с ним традиция, и мне, и ему привычная. Славка обычно в такое же кресло садится, а то и вовсе на подлокотник рядом с отцом.

Мне подобная близость немыслима, отец всегда от меня на отдалении был, еще тогда, после смерти матери, отослав меня с нянькой с глаз долой. Да и позже вниманием и лаской он меня не баловал.

Поэтому вот так, рядом, но снизу вверх мне на него глядеть спокойнее.

– Мила, даже не знаю, как с тобой разговор завести, – вздохнул отец. – Не желаю я отпускать тебя, не представляю, как без тебя жить буду.

Я смотрела на отца во все глаза. Никогда столь добрых слов от него не слышала!

– А всё же, батюшка, давно мне замуж пора, – осмелилась я сказать. – Годами я немолода, красотой не блещу, сейчас не отдадите – век буду одна жить.

– Кто тебе сказал, что ты не красива? – возмутился отец. – Ты одним лицом с матерью своей, а ее красивее я не видывал! Всем ты удалась: и статью, и лицом, и кос таких во всей моей волости не сыщешь! И дар у тебя неплох, и мозгами богиня не обделила! А что до возраста – так поймешь еще, что женщина чем старше, тем желаннее и совершеннее становится.

У меня аж слезы на глаза выступили. О мне ли он говорит, о нелюбимой дочке?

– Любимица ты моя, Милослава, – продолжал отец. – Горько мне тебя отпускать.

Вот те на! Давно ли я любимицей стала?

Кажется, на лице у меня выразилось столь явное недоверие, что отец даже засмеялся.

– А то не знаешь, что кого больше любят, того больнее бьют? – улыбнулся он в бороду. – Нет, не Славку я люблю. Она, конечно, птичка ласковая, щебечет сладко, да в голове у неё мозгов как у божьей коровки. Ты же, дочь, опора моя, гордость, за тебя мне стыдиться не за чем.

Хм, что батюшке неведомо, за то и можно и не стыдиться.

– Не Славку, тебя я в степь брал, да по весям нашим, да в совет городской. Не Славка, а ты за домом следишь, припасами ведаешь, книги домовые ведешь, деньгами распоряжаешься. Ты завидная невеста в любой дом. А уж после степных пожаров и вовсе во всем государстве известно, какое ты сокровище.

Покраснела, глаза опустила. Сглупила я с этими пожарами страшно, опозорилась на весь мир. Глупая была совсем. Сейчас бы ни за что не сунулась в мужское дело.

– Благодарствую, батюшка, за науку, за наставление, – поклонилась бы в пояс, коли бы не сидела, а так только голову склонила. – Да только пора мне в своем доме хозяйкой быть, а отцовский уступить твоей супруге. Да и внуков тебе подарить хочется.

– Умна ты, дочь, даже более, чем для женщины следует, – вздохнул отец. – Знаешь, какие слова сказать. Знаешь, поди, и женихов, какие тебе вровень?

– А как же их не знать, батюшка? Трое их. Пресветлый кнес Ольхов, князь Волчек да хан Таман.

– И что скажешь про них? Кто тебе больше по сердцу?

Нет, ни в жизнь не поверю, что отец мне выбор дает! Мягко он стелет, да только его нрав и хитрость я знаю. Просто проверяет меня.

– Пресветлый князь мне по нраву, батюшка. Человек он добрый, щедрый, дом у него большой. Старых традиций не держится, наложниц не заводит, одной женой довольствуется. Не ровня я ему первой женой, а третьей ему меня взять не зазорно. Только детей много у него, буду ли хозяйкой? Митрий Волчек хорош собой, здоров, молод, но брак сей более ему выгоден. Лес мой да поля к его землям примыкают. И данник он наш много лет. А возьмет дочь кнеса в жены – не князем будет, а полноценным кнесом уже. Не данником, но зятем. Во всем ему добро – и владения расширит, и сильного союзника заполучит, и дань платить более не придется. Только нам от того какая выгода, отец?

– Выгода, дочь, не явная. Во-первых, куда лучше добрый сосед да еще родственник под боком, чем оборотни с их междоусобицами. Ты, может, не знаешь, а борьба там за власть нешуточная идет. Дед Митрия, отец его, сам он дань платили, с нами дружили, заговоров против нас не плели. А коли свергнут его, то нам не поздоровится. Начнутся распри, стычки. Оборотни людей сильнее, они нам крови выпьют немало. Коли войну затеют – спустить им этого нельзя. Сыновей у меня нет, на волость мою многие смотрят недобро. Я сегодня в силе, а завтра стар буду, загрызут нас соседи, если увидят, что мы оборотней пожалели. Поэтому вырезать их придется под корень. А жалко, живые же. Целый клан уничтожить – как потом жить, как богине в глаза в посмертии смотреть? А коли молодого Волчека я поддержу, его положение значительно укрепит, а у нас будет сильный и безусловный союзник. Да и из родни у Митрия одна сестра малая, не будет в тереме супротив тебя никого. Будешь сама себе хозяйкой, ни перед кем голову клонить не придется. И дети твои будут не десятками, а первыми.

Всё ясно, ехать мне к оборотням.

– Что ж, батюшка, теперь вижу, что Митрий Волчек мне больше всех подходит, – улыбнулась я.

– За хана не хочешь слово замолвить? – из-под нахмуренных бровей взглянул отец.

– А что говорить, батюшка. – вздохнула я. – Сам ты знаешь, что люб он мне более других мужчин. Сердце мое птицей бьется, когда он на меня смотрит. Сколько он ко мне сватался, трижды?

– Не считал, – хмуро ответил отец. – Больше десятка раз.

Вот оно как!

– Любит меня Таман, – задумчиво сказала я. – Да только в шатры его я не хочу. Жить в степи, спать на земле, есть конину, мыться раз в месяц, коли у реки встанем, детей рожать в грязи и без лекаря – благодарю покорно. Коль прикажете, слова против не скажу. А коль выбор даете – уж лучше к пресветлому третьей женой!

Вопреки моим ожиданиям, слова эти отца не порадовали.

– Таману ты больше жизни нужна, – сказал он печально. – Готов ради тебя степь перевернуть, перестроить. Он ведь до сих пор жену не взял, тебя ждет.

– Жену, может, и не взял, а наложниц у него предостаточно, – с обидой вспомнила я.

– По степным обычаям, юноша в шестнадцать первую жену взять должен. Коли не берет – позорно ему. Станут говорить, что нет в нем мужской силы, а то и вовсе предпочитает юношей. Таких, ты знаешь, сразу скопят и в рабство продают. Наложницы – малая уступка. Да и обещал, что ты единственной у него будешь, всех разгонит, других жен в шатер не возьмет. А коли хан так поступит – знай, что вся степь рано или поздно за ним повторит.

Это было для меня новостью.

Вот как он меня любит! Даже загордилась немного.

– Говорю тебе, дочь: выбирай сама, выбирай сердцем, выбирай умом. Али подумать еще хочешь?

– Никто не посмеет сказать, что твоя дочь отца не почитает, – уверенно ответила я. – На кого покажешь, за того и пойду. Не лишай меня благословения отцовского, окажи милость, выбери себе сына сам.

Не то, чтобы я рьяно чтит традиции, но как выбрать? Отцу виднее, чай мудр и опытен. Да и сил у меня не было решиться. И хочется к Таману, и страшно аж жуть.

Отец долго смотрел мне в лицо и, наконец, сказал:

– Будь посему. За Волчека пойдешь. Он и ближе, и терем свой будет, и молод он. Да и ситуацию с оборотнями надо стабилизировать.

Я бы много могла отцу сказать: и про то, что для оборотней достаточно Славки, а без моего леса они сотню лет жили и еще сотню перебыют, и про то, что степь тоже от наших земель недалеко, а что степной хан – союзник куда более значимый, чем клан оборотней, но... стыдно признаться, я вздохнула с облегчением.

Далее вопросы мы с отцом обсуждали практические: приданое, наряд, выбирали день, думали, звать ли государя – все ж мне он дядя родной. Решили написать официальное приглашение, приедет ли, нет – сам решит.

Теперь, когда пол дела было сделано, на душе сделалось и легче, и тревожнее.

Моя жизнь менялась.

Я даже представить себе не могла, насколько.

Глава 2. Степняки

В спальне меня ждала подпрыгивающая от нетерпения Славка.

– Кто, кто, ну кто? – нетерпеливо дергала она меня за рукав. – Я за тебя молилась, Мила! Я так хочу, чтобы тебе хороший муж достался! Я ведь ни минуточки с колен не вставала!

– Волчек, – ответила я. – Поеду к оборотням.

Славка побелела, широко-широко раскрыла глаза и некрасиво скривила рот.

Я сразу кинулась ее успокаивать.

– Не тревожься, не съедят они меня, – весело сказала я. – А глядишь, я по осени замуж выйду, и тебе следом жениха найдут.

Но Славка меня удивила. Посмотрела на меня помертвело и тихо, но твердо заявила:

– Не бывать этому.

– Чему не бывать? – удивилась я.

– Свадьбе твоей с Митрием не бывать. Он на мне жениться должен.

И кинулась мне в ноги, запричитала, зарыдала, обхватив мои колени:

– Милочка, родная моя, сестренка дорогая! Ради меня откажись от Волчека! Скажи батюшке, что не люб он тебе!

– Что ты, Слава, – растеряно говорила я. – Да как же! Он же стар для тебя! Да ведь я слово дала!

– Двадцать пять ему, – отвечала сестра. – Вовсе не старый. Люблю я его, Милка, больше жизни люблю! Один он мне нужен!

– Сговоришься с ним, что ли? – спросила я, поднимая девочку. – Он что-то обещал тебе? Ну и чего ревешь? Пойдем к отцу, расскажем. Конечно, со стороны Волчека это некрасиво, но перетерпим, что уж.

– Не обещал, – призналась Славка, очевидно, испугавшись, что я ее к отцу потащу. – Не знает он.

– Та-а-ак, – протянула я. – То есть ты мне предлагаешь отказаться от сговора, свое слово нарушить, отцу перечить только потому, что тебе самой моего жениха захотелось? И при этом жених ни сном ни духом?

– Ты же откажешься, Мил, правда? – умоляюще сложила ручки Славка.

– Нет, Слава, не откажусь. Из твоего каприза третьей женой в дом сиятельного не пойду.

– Зачем к кнесу? – не поняла Славка. – К тебе же Таман сватался. А он не какой-то кнес, а хан. Ровно как наш государь.

– Вот сама к Таману и иди в шатер, – жестко сказала я. – А я в терем у озера хозяйкой хочу. Чтобы среди людей в человеческом доме жить, а не среди овец и коней.

Славка зло сверкнула глазами, ногой топнула:

– А вот я уже к папеньке схожу! Он меня любит, он мне не откажет!

– Сходи-ка, – ответила я. – Поговори. Авось и послушает он тебя.

Славка вылетела, хлопнув дверью об косяк, а я только криво усмехнулась. Впервые в жизни я была уверена, что отец будет на моей стороне.

А коли Славка бы вчера к нему пришла – не отказал бы. Сговорил бы ее за оборотня. Я полагаю, Волчеку совершенно без разницы, кого из нас в жены брать. Союз в обоих случаях заключен будет.

А вообще у Славки губа не дура – Волчеку она не совсем ровня, если на мать ее посмотреть. Для нее куда больше женихов найдется, так нет же, моего оттяпать захотела!

Впрочем, ничего нового, так всегда и было в нашей с ней жизни. Она требует мою куклу, лучшую горницу, новое платье, отрез парчи, а я уступаю. Ничего с собой поделать не могу, люблю ее больше всех на свете.

Один только раз рассорились с ней – когда Таман мне кобылицу подарил.

Ах, что за кобылица! Дочь того самого Колдуна, бывшего государева коня. Таман тогда пытался мне этого коня вручить, но я наотрез отказалась. Куда мне этот ужас? Тем паче, только степняка он и признавал. Тогда Таман обещал мне первого же жеребенка от него подарить. Слово сдержал. Кобылица родила двоих – мальчика и девочку. Жеребчика преподнесли в дар государеву сыну, а девочку, нежную белую девочку без единого пятнышка, мою Снежку – привели мне.

Я в нее сразу влюбилась.

Стоит ли говорить, что Славка немедленно потребовала ее себе?

Я стояла потерянная, глотая слезы. Сестре угодить хотелось, но и кобылка была самым дорогим подарком в моей жизни. Да и отдать ее сестре значило проявить небывалое пренебрежение к степнякам в целом и к Таману в частности.

Спасла меня Линд, заявив, что такие подарки передаривать ни в коем случае нельзя. Кровная обида. Да и рано Славке такую лошадь иметь. И вообще кто-то совершенно обнаглел в своих требованиях.

Ох и вопила тогда сестра – примерно так, как сейчас вопит у отца в кабинете. Как баныши, ей-богу. Стыдно за неё. Орать при отце – последнее дело. С ним так нельзя.

Снежка по сей день остается моим самым большим сокровищем. Таман хитер, знал, что дарить. Я его вспоминаю, как на Снежку сажусь.

Что же ты преследуешь меня, степной хан? Для чего я тебе?

А впрочем, знаю.

В год перед своим восемнадцатилетием я вытянулась, выросла из всех платьев, переросла Тамана на полголовы. Вероятно, я бы перестала ему нравиться, если б не пожар. Нет, не так. ПОЖАР.

Огонь в степи засушливым летом – стихийное бедствие. Нет ничего страшнее стены огня, растянувшейся на многие версты, охватывающей всю степь от края до края.

Этот огонь человеку не потушить. Горит сухая трава, горит торф под землей, в тех краях где сотню лет назад были болота. Горит сама земля. Уничтожается всё: и птичьи гнезда, и заячьи лежки, и зародыши травы, и редкий кустарник. Прогорает земля вглубь до сажени. На такой земле десятилетие ничего не вырастет. Конечно, горят стада и шатры степняков. Но это не так уж и страшно – люди уйдут, забрав что смогут. Куда страшнее то, что вернуться им будет некуда.

Столь большие пожары случаются редко – на памяти моего отца это был второй. Оттого-то в пристепных волостях почти все кнесы – водники, и иногда – огневики. Чтобы встать степной между огнем и землей. Вызывать дождь день за днем, переправлять подземные потоки, поворачивать в степь реки, пядь за пядью двигаться наперекор огню и ветру, сопротивляясь распространению огненной смерти. На то со степью испокон веков союз заключен, и даже в Десятилетнюю войну, когда вспыхнул такой пожар, государь с ханом немедленно замирились и сообща тушили степь. На том война закончилась. Тогда-то отец и получил звание кнесса и государеву дочку в жены – за проявленное мужество и самоотверженность, а также потому, что он оказался одним из сильнейших водников государства.

Воздушники, природники – они тоже нужны, но именно водники должны принять на себя первый удар стихии.

Лето было сухим, жарким. В нашей волости колодцев да болот много, нам такое лето только в радость. Урожай зерновых, овощей, фруктов обещали быть на редкость обильными. Ягод в лесу было немеряно, а вот грибов не было совсем.

Только всё чаще я видела, что отец хмурится. Урожай его не радовал, дожди он не вызывал на поля, как ни просили его люди.

Я спросила, отчего так. Он ответил, что если вызвать дождь на его волость, в другом, более нужном месте, его не будет вовсе. Да и силы надо копить.

К августу он был совсем черный, взрывался по каждому пустяку, почти перестал спать.

Когда с востока на степь погнало черные тучи, он не сдержался, оседлал коня и уехал, наказав мне следить за водой в чаше и при случае зажигать сигнал в башне.

Водники могут передавать по воде небольшие послания. Отец научил меня короткому заговору для этого. Для прочих же сигналов у нас на холме выстроена сигнальная башня – довольно высокое каменное сооружение с чашей наверху. В этой чаше надобно зажигать дрова с разными веществами. В зависимости от повода дым может быть черный, белый, сизый и розоватый с искрами. Черный всегда использовался для призыва кнесов на великий пожар. Белый сообщал о стихийном бедствии в нашем поместье, сизый – об эпидемии, розовый – о нападении врагов.

Я должна была зажечь огонь с черным дымом, и я его зажгла.

Гроза над степью так и не разразилась, только погрохотала, поплевалась огнем и ушла. Мой отец оказался один на один с пожаром. Молнии пробивали землю вглубь, земля вспыхнула мгновенно в нескольких местах.

Когда пришло послание от отца, только настала ночь. Если бы я попеременно с Линд не бодрствовала над чашей, кто знает, когда бы я еще подняла тревогу.

Хотя... ночью дым был вряд ли виден. Но тем не менее огонь я подожгла, растолкала воина из отцовской дружины и приставила его следить за огнем. На слуг в таком деле надеяться глупо, а воины – они ответственные.

Сама оседлала Снежку, взяла сопровождающего и рванула к кнесу Боровому, ближайшему соседу, чье поместье в двух часах быстрой езды. Потому что степь степью, а отец там один.

Правильно сделала. Боровые спали. Никто сигнала не видел. Да я и сама дым видела очень смутно, только потому, что всматривалась.

Надо отдать должное нашим кнесам, они свое дело знают. Боровой, крупный мужчина чуть старше отца, понял всё мгновенно. Через четверть часа он вместе с первым сыном уже седлал коня. Жена его зажгла их сигнальный факел.

Меня кнесса уложила спать, да я и сама знала, что теперь больше помочь ничем не могу. До рассвета я едва ли доберусь куда-то еще. Светает еще рано, остальные соседи заметят сигнал быстро.

Поутру, несмотря на уговоры кнессы Боровой, вернулась домой.

Посланий от отца больше не было ни назавтра, ни третьего дня. Волновались мы страшно, мачеху особенно беспокоило, что мужчины выехали налегке, без еды, без теплых вещей. Напрасно я говорила, что степняки всеми силами будут помогать своим спасителям, что до сна ли там, когда идет стена огня, что никакой фураж не доберется сейчас до отца.

У мачехи случилась форменная истерика, она уже не верила, что отец вовсе жив, ее уложили в постель, напоив всякими успокаивающими отварами.

Я повела себя не менее глупо, оседлав Снежку, взяв с собой еще лошадь с едой, водой и укрепляющими отварами и, никому не сказав, поехала в степь. Одна. Что мной двигало – сейчас не понимаю. Вероятно, царившая дома атмосфера разразившейся катастрофы совершенно отняла у меня разум.

Повстречайся на моем пути дурной человек – что могла я ему противопоставить, кроме быстрых ног лошади? Напади на меня дикие звери – как бы я спаслась? Сейчас понимаю, надо было звать хотя б оборотней, они бы защитили, поддержали.

В степи было нечем дышать, то и дело попадались навстречу зайцы, птицы, лисы, спешившие покинуть зону бедствия. Я видела, что еду правильно. Намочила кусок полотна, дышала через него. Ночевать на земле боялась, поэтому и при свете звезд понукала усталую лошадь.

Когда услышала гул голосов, поначалу решила, что показалось, однако спустя несколько минут была сдернута со Снежки знакомыми сильными руками.

Таман ругался знатно, сразу на нескольких языках. Некоторые слова я слышала впервые. Отругал меня за привезенную еду, похвалил за воду и отвары.

Я уснула прежде, чем он уложил меня на одеяла.

А всё же я была водником, и водником неплохой силы. Не такого дара, как отец, но и не менее, чем у кнеса Борового, к примеру. С десяти лет отец лично занимался со мной, показывая, как вызвать тучу, как собрать воду из земли, как помочь другому магу, поддерживая его силы. Этим я и собиралась заняться.

Таман пытался поутру удержать меня, да где там! Наскоро перекусив, я рвалась к кнесам. Только и позволила себя сопровождать, да согласилась на резвого коня, жалея Снежку.

Магов была сотня, если не больше – многие взяли с собой сыновей, а кнес Белянин даже и внука четырнадцати лет. Однако и женщиной я оказалась не единственной: среди магов были две кнессы – водница и воздушница. Увидела я в строю и обоих государевых сыновей. Пожалуй, я бы нисколько не удивилась, узрев и самого государя, хотя он не был водником. Сыновья у него огневики, они как могли огонь унимали.

Водники удерживали над пожаром дождевые тучи. Из-под земли били потоки воды, кругом стоял пар.

Кнесы были похожи на копченых куриц и пахли так же аппетитно. Завидев степняков, они немного оживились. Таман и его люди подносили каждому воды, обтирали лица – бережно и с почтением.

Я же искала отца, другие меня волновали мало. Он стоял, пошатываясь, едва не в обнимку с фонтаном воды.

У отца не было помощников, а ведь он раньше всех начал эту борьбу. Я сомневалась, что он хоть что-то ел за эти три дня, да и спал он, наверное, урывками.

Я дернула его за пояс.

– Иди ешь, – сказала сердито. – Я удержу воду.

Он обернулся. По лицу было видно, что он знает много ругательных слов, возможно, даже больше, чем Таман. Но эта передышка ему была нужна как воздух.

Я аккуратно, как он учил, перехватила водную жилу. Я была молода, сыта, полна сил, я неплохо спала ночью. Мне показалось, что ничего сложного здесь нет.

– В сумках отвары, – крикнула я отцу. – Ты знаешь, на березовых почках и меду.

Через некоторое время я оглянулась на отца – мне все еще было легко. Он спал сидя с ломтем хлеба в руке.

Я шагала вперед довольно быстро, заливая водой огонь. Через час я начала уставать. Через два заломило спину. Через три я уже не чувствовала ни рук, ни ног, не видела, куда идти, из глаз текли слезы.

– Плакать нельзя, теряешь влагу, – сказала мне незнакомая кнесса, поднося воды. – Ты сильная девочка, выдержишь. Если Мстислав еще немного отдохнет, будет просто великолепно.

– Рук не чувствую, – взмолилась я. – Подержите мне руки!

Кнесса встала сзади меня, позволяя откинуться на нее спиной, подхватила меня под локти, повела меня вперед.

Стало действительно легче.

Он шептала мне слова утешения, словно я была роженицей, уговаривала потерпеть еще немного.

Мне очень хотелось, чтобы она замолчала, но я боялась ее оскорбить.

– С этой девочкой так нельзя, – раздался голос Тамана. – Отдохните, кнесса Орлинская. Я поддержу Милославу.

Кнесса Орлинская! Мне немедленно захотелось обернуться. Это же одна из известнейших своей экспрессивностью и скандальностью женщин Славии, ближняя подруга государыни!

Другая бы может и не позволила мужчине прикасаться к девушке, которая не является ни его сестрой, ни женой, ни даже невестой, но кнесса Орлинская давно плевала на все условности.

Опора моя сменилась, теперь сзади стоял Таман, щекотно дыша мне в шею, довольно чувствительно подталкивая и выговаривая, какая я безответственная, глупая, упрямая баба, полезшая в мужские дела. Было обидно настолько, что забывала про боль и усталость. Еще больше было обидно, что он даже не пытался меня полапать. Это уже потом, невесть сколько времени спустя, когда раздался яростный голос проснувшегося отца, распекающий всех за глупость и безалаберность, я практически лежала на степняке и не испытывала ни малейшего стыда.

Мы продвинулись на много саженой вперед, загоня огонь обратно, щедро орошая землю водой. Сзади нас шли природники, пытаюсь найти хоть что-то живое и напитать его силой – травинку ли, семечко, выжившее насекомое.

Отец отправил меня отдыхать, но мне хватило немного полежать на земле и перекусить.

Поэтому я решительно направилась к бледному Боровому и приказала ему отдохнуть несколько минут.

Тот и не спорил. Его тучу было держать легче отцовской жилы, да и спать он не собирался. Только напился воды, немного полежал плашмя и снова встал в строй. И я пошла к следующему кнесу.

Было еще светло, даже не вечерело, а мне-то казалось, что прошло несколько дней.

Через некоторое время они сами стали подзывать меня, когда понимали, что им нужна передышка. Кому-то требовалось умыться, кому-то добежать до кустов, хотя какие там кусты? Отходили недалеко только. Кто-то пихал в себя лепешки и сомнительного вида мяса. Младший Боровой, я видела, отправил послание своей беременной жене, и я порадовалась тому, как сразу прояснилось его лицо и расправились плечи.

– Мила, встань вместо Орлинского, – крикнул отец. – Кнес Орлинский, два часа на сон! Пошел, без разговоров! Мила выстоит, а ты сдохнешь, если не поспишь.

Без слов и просьб Таман встал сзади меня. Эти два часа дались мне куда сложнее всего предыдущего дня. Я, казалось, на миг моргнула, а открыв глаза, увидела, что на степь спускается ночь.

Кнес Орлинский мягко оттолкнул меня, и кто-то – мне было совершенно все равно, кто это был – уложил меня на покрывала уже спящую.

Через несколько часов я проснулось, было еще темно. Мужчины ушли далеко – дым едва курился над линией окоема. Рядом со мной на покрывалах спала кнесса Орлинская и вторая женщина, водница. Нам даже не ставили шатер, мы были настолько измучены, что готовы были спать на голой земле.

Незнакомый степняк, стороживший наш покой, с поклоном подал мне флягу с водой, лепешку и холодный кусок жареного мяса, в который я впиалась зубами прямо как наш кот – едва не с урчанием.

– Шабаки желает что-то еще? – спросил он.

– Умыться можно?

Незнакомый мужчина лил мне на руки драгоценную воду, а я, фыркая как лошадь, смывала с лица пот и копоть. Видела бы меня сейчас Линд! Да ее бы кондрашкахватила!

– Я могу ехать к мужчинам? – нерешительно спросила я степняка.

– Конечно, шабаки, сейчас приведу коня.

Шабаки? Кто такая шабаки? Ой, да и бес с ней. Наверное, какое-то вежливое обращение. Он разговаривал со мной с большим почтением, хотя по их традициям незамужняя женщина едва ли не рабыня. Это уже потом на женщину падает ответ славы ее мужа, да и то – в разной

степени. Первая жена – хозяйка шатра, а четвертая, самая младшая – едва ли не служанка. А незамужняя вообще прав никаких не имеет, она – имущество отца. Захочет – подарит ее, захочет – продаст, захочет – на время одолжит соседу. Таман говорил, что молодежь протестует против подобной дикости, да и многие родители, не желая зла своим дочерям, стараются подобрать им хорошего мужа, но как можно раньше.

Девочек здесь отдавали замуж в тринадцать-четырнадцать лет, и многие в моем возрасте уже имели двоих, а то и троих детей.

Степняк привел мне лошадь, и я немедленно отправилась туда, где виднелся дым.

Земля была черна и утоптана, травы нигде не осталось. Мое внимание привлек маленький огонек, танцующий на уцелевших сухих былинках. Да что же это! Спрыгнула с коня, затоптала его. Внимательно осмотрелась. Кое-где земля дымилась. Где-то краснели угольки, тлела сухая трава.

Вскочила на лошадь, понеслась во весь опор вперед.

В лагерь степняков влетела едва ли не с гиганьем. Лагерь, конечно – это громко сказано. Котел, где варится похлебка, люди, деловито снующие туда-сюда, табун лошадей да пара покрывал на земле.

– Тама-а-а-ан! – заорала я, спрыгивая.

Таман немедленно примчался ко мне.

– Шабакки минем, что случилось?

Выглядел он неважно. И так-то был не красавец, а сейчас вовсе страшен. Узкие глаза ввалились, лицо посерело от усталости.

– Там, сзади, трава тлеет, – сообщила я ему.

– Я скажу магам, – не понял меня он. – Пусть кого-то пошлют.

– Таман, ты глупец, – заявила я. – Бери ведро воды и заливай. Для чего тебе маги?

– Воды?

– Эй, ты спал вообще? Воды! – я махнула рукой в сторону удалявшихся магов. – Там из земли струи бьют! Ведром больше, ведром меньше – какая разница!

Таман кивнул, побежал к своим людям. Немедленно большинство степняков схватили бурдюки и, вскочив на коней, отправились заливать останки большого пожара.

Я же пошла помогать магам.

Пожар тогда был потушен, большую часть степи удалось спасти, выгорело сравнительно немного – благодаря тому, что отец вовремя поднял тревогу. Потом степняки много пировали, танцевали и благодарили свою богиню, да только всего этого я не видела. В один момент, подменив кого-то из магов, я упала и больше не поднялась.

В себя я пришла только дома, уже осенью. Лекарь диагностировал практически полное магическое выгорание и крайнюю степень истощения.

Заслуженной выволочки от отца я избежала только благодаря тому, что едва могла пошевелиться. Всю зиму я была слаба как младенец, меня выводили под руки на прогулку санные девки и оставляли на лавочке возле дома. Закутанная в сотню платков, как капуста, я сама себе казалась жалкой старухой, ведь даже моя бабка двигалась проворнее меня, так ведь ей уже за шестьдесят, а мне было всего восемнадцать.

Магией мне и вовсе запретили заниматься на целый год.

Чуть позже, когда я уже способна была не просто лежать колбаской в постели, а окрепла, чтобы самостоятельно передвигаться в пределах комнаты, отец сказал мне много «ласковых» слов.

– Ты не представляешь, что ты натворила, Милослава, – говорил он. – Как тебе вообще в голову пришло в одиночестве отправиться в степь во время пожара? Выпороть бы тебя как сидорову козу, да как лежачую бить? Не плачь, не надо плакать! Ты нам очень помогла, не поспоришь! Мы бы справились и без тебя, но медленнее, да и здоровья потеряли бы куда

больше. Только себе ты нажила большие проблемы. Государь прислал тебе благодарность, Мила.

– Так это же хорошо? – прошептала я.

– Просто замечательно, Милослава. Ты боле не кнесинка, а кнесса.

– Разве так бывает, отец? Я ведь не замужем! Или... я чего-то не знаю?

– Бывает, дочь, но редко, очень редко. И в твоём случае это не столько награда, сколько наказание, и поделом тебе! Ещё легко отделалась! Отныне ты самостоятельная, независимая от меня девица. Никто тебе не указ, кроме государя. Хочешь – дом строй, хочешь – замуж иди. Хочешь – иди в ополчение, как кнесса Орлинская.

– Так что же мне, батюшка, дом покинуть придется? – расплакалась я ещё горче.

– В моём доме для тебя всегда найдется место, дочь, тебя никто не посмеет прогнать.

– Что плохого тогда в сем именовании?

– Замуж кнессе выйти куда сложнее, чем кнесинке. Ты теперь, к примеру, Егору Боровому или Йозефу Сергиевскому не ровня. Они младшие сыновья, титул не наследуют. Это ещё полбеды. Теперь ты, как я, маг на государевой службе. Ты кнесса не та, что от мужа статус получила, ты – кнесса-государева ставленница. Как я, как Боровой.

– Как кнесса Орлинская?

– Кнессе Орлинской не ровняйся. Она свое назначение совсем за другие заслуги получила. Не приведи богиня тебе ее путем идти. Прокляну.

Я замолчала подавленно.

– Малому Белянину тоже кнесство дали, да еще угодье государь отписал. Эх, будь он чуть старше – вот бы муж, тебя достойный, был бы! Если, конечно, оправится мальчишка. Как ты надорвался. Ты хоть девка взрослая уже, да на подхвате была, а парень наравне с нами стоял.

Помолчал немного и добавил:

– Если бы ты не пришла тогда, упал бы я.

Слова эти долго еще моим утешением, когда приходилось звать девок, чтобы справить нужду, когда не раз еще плакала, не в силах открыть дверь или подняться с лавки, когда отец, невзирая на запрет целителя, по весне заставил меня потихоньку работать с водой.

Для справки

Степняки не те люди, с которыми комфортно общаться. Нет, это дикий воинственный народ, всегда готовый к драке. Молодой хан, впрочем, предпочитает дипломатию, а еще он прослушал в университете курс лекций по архитектуре и ирригации. Такого прогрессивного правителя в Степи никогда не было. Если бы не единодушная поддержка старейшин и не жесткие традиции (в степи хан – наместник бога и единственный, кто в силах оседлать Звездную Кобылицу) – Тамана давно бы придушили как сумасшедшего.

Глава 3. Ближний круг

Что было, то прошло, о моем титуле кнессы не знал никто дома, кроме отца и, возможно, Линд, но она молчала.

Все по-прежнему именовали меня кнессинкой, да и я ощущала себя лишь хозяйской дочкой. Здоровье полностью восстановилось, к весне я уже носилась на Снежке по полям, проверяя, как идет сев, все ли дома в деревнях выстояли на редкость снежной зимой, выслушивала жалобы крестьян – словом, делала всё то же, что делал бы отец, будь он дома. Единственное отличие от прежних дней – на расстоянии от меня всегда следовали два воина как охрана.

А вот Славку приобщить к хозяйственным делам никак не удавалось. Хотя ей в ту пору было уже тринадцать, совсем взрослая девица. Но она предпочитала бегать с детьми по двору да кататься на свиньях с малышкой, доводя бедную мачеху до истерик. Линд, хоть и простолюдинка, всегда вела себя очень достойно, а Славке... Славке было все равно.

Несмотря на то, что мать моя умерла, когда мне было три года, я не чувствовала себя сиротой, ну разве что совсем немного. Когда отец привез Линд в поместье, она сразу же приняла меня как родную. Играла мной, как куклой – наряжала, заплетала, купала, читала мне сказки.

Бабка Антонелла, мать моего отца, всегда на это ругалась. Она жесткая женщина, у нее все слуги ходят по струнке. Много раз я получала хворостиной по ногам, по рукам, по спине – не всегда заслуженно, но всегда больно. Она никогда не жалела меня, если я падала или обжигалась горячей похлебкой. Когда меня покусали пчелы на пасеке, она пыталась еще наказать меня за то, что я полезла, куда не следует, но Линд не дала.

Именно мачеха смазывала мои укусы маслом, мачеха сидела у моей постели, когда я провалилась в полынью и потом чуть не три недели металась в лихорадке, мачеха была рядом, когда у меня начались женские неприятности.

От бабки было не дожидаться доброго слова, похвалы или даже одобрительного взгляда. Линд щедро давала мне материнскую любовь. Я никогда не считала ее мамой, скорее, она была мне старшей сестрой, но и тоски по материнской ласке у меня не было.

Справедливости ради стоит сказать, что бабка одинаково не любила и меня, и Славку. Пожалуй, Славке доставалось даже больше, но, в отличие от меня, всегда за дело. Бабка, кажется, вообще считала, что от детей одни проблемы, а может, злилась, что мы не мальчики, не наследники.

Никаких теплых чувств я к бабке Антонелле не испытывала, стараясь пореже попадаться ей на глаза. Впрочем, когда Славка внезапно начала расти не вверх, а в области груди и бедер, внимание бабки полностью переключилось на нее. Я, очевидно, наконец, была признана вполне достойной девушкой с твердыми моральными ценностями.

Никогда моя бабка так не ошибалась.

Славка... Славка кокетничала напропалую с каждым мужчиной старше четырнадцати и моложе шестидесяти, но правила приличия, накрепко вбитые материнской розгой, пока не нарушала. Мы с ней были очень близки, мне она поверяла все свои девичьи тайны.

Впрочем, как оказалось – не все.

Часто мы засыпали в одной постели, вдоволь обсудив всех имеющих в поместье воинов из отцовской дружины, красавца садовника (мальчика с бархатными карими глазами и стыдливым румянцем), приезжих гостей. Мальчик, кстати, девушками вовсе не интересовался, но говорить об этом Славке я не стала. Думаю, она даже не представляет, что мир чуть сложнее, чем кажется на первый взгляд. Однако я доверять свои тайны Святославе не спешила: она была на редкость болтлива. Да и в целом есть вещи, которые девочке пятнадцати лет знать не обязательно.

Именно об этих вещах я и намеревалась поговорить сегодня с Линд. В самом деле, не с бабушкой же мне это обсуждать!

Мачеху я нашла в отцовском кабинете. Пока отец в отъезде, а сейчас зенит лета – он всё больше разъезжает по полям, вызывая дожди, – она отвечает на письма и разбирает отцовскую почту.

– Линд, найдется для меня немного времени? – спросила я, нерешительно топчась с дверях. Линд кивнула, с готовностью отодвигая бумаги.

– Тебя что-то тревожит, Милослава? – проницательно спросила мачеха. – Славка?

Славку после скандала заперли в ее комнате в наказание. Пороть взрослую девушку уже не осмелились, вот и посадили под замок, в домашнее заключение, да отец приказал не давать ей сладкого. Мне было ее жалко, но вообще-то – поделом ей.

Нет, Славка меня не тревожила.

– Линд, ведь ты мне как мать, – издалека начала я. – Ты меня вырастила, воспитала, любила как свою дочь...

– Мила, ты меня пугаешь.

– Я боюсь, что я тебя сейчас не только напугаю, но и разочарую, – вздохнула я.

Вот сколько ни готовилась к разговору, как сказать о главном – не знала. Линд пристально посмотрела на меня.

– Это касается свадьбы, – промямлила я. – Понимаешь, у меня проблемы.

– Ты беременна? – прямо спросила Линд.

– Что? Нет!

– Слава всем богам, – выдохнула мачеха. – Остальное решаемо.

– Я не беременна, но и не девственна, – закрыв глаза, призналась я. – Давно уже.

– Я знаю, – спокойно ответила Линд. – И что?

Хлопая глазами, я уставилась на мачеху в полной растерянности. Линд криво усмехнулась.

– Мила, я знаю всё, что происходит с моими детьми, – сказала Линд мягко. – Если бы на твоём месте была Славка.. то, наверное, я бы сделала всё, чтобы предотвратить грехопадение, а ты – девушка умная, осторожная. Да и был у тебя лишь один мужчина – Герман, если я не ошибаюсь. Славка – она бы одним не ограничилась...

Да, Герман.

Не могу сказать, что я его безумно любила, но мне с ним было хорошо. После той страшной зимы он стал для меня глотком воды в пустыне. Давно уже, еще после поцелуев Тамана, мне было любопытно, как же это бывает – между мужчиной и женщиной. Такие темы не обсуждают в приличном обществе, но здесь, в деревне, нравы проще. Я много раз видела конюхов, задирających в стойлах юбки молодых служанок, причем чаще всего эти служанки активно участвовали в процессе, как мягко выразилась Линд, грехопадения. Это не считая знаний, откуда берутся жеребята, кролики и телята. Да и отец порой зажимал мачеху в углу, целуя и нащёптывая всякие глупости, от которых та ахала и заливалась краской, когда считал, что никто этого не видел.

Довольно много (куда больше, чем полагалась невинному ребенку) я видела и в степи – там вообще телесная любовь является обыденной вещью, словно вкушение пищи или справление естественных надобностей.

Мне было любопытно. Щеки горели огнем, когда я не вовремя заглядывала в конюшню и застаивала там сладко стонущую парочку. В животе ухало, как на качелях, когда молодой дружинник, помогая мне спешиться, задерживал руку на моей ноге или талии.

Герман был одним из моих охранников. Порой он сопровождал меня один. Тогда он ехал рядом, мы болтали, как закадычные друзья. Герман был высоким, красивым парнем чуть

старше меня. Я хоть и не отличаюсь красотой, но и не страшна, а наши разговоры и шутки порой на грани приличий, полагаю, еще добавляли мне привлекательности.

Герману нравилось шутить, нравилось, что я не робею с ним, не обижаюсь на пустяки, могу едко ответить и огрызнуться на его подначки. Когда женщина нравится мужчине – это видно. Он по-особенному смотрит, старается прикоснуться, услужить. А когда молодые люди подходящего возраста проводят много времени вместе, между ними обязательно возникают какие-то чувства.

Я, впрочем, наивно полагала, что наши отношения были не столь явными.

– Как ты узнала? – глухо спросила я.

– Видела вас на сеновале, – весело сказал Линд. – Вы целовались и явно делали это не первый раз.

Какой стыд!

– Ты кому-то сказала?

– Слушай, Мил, – вздохнула мачеха. – Ты знаешь, я вообще не считаю твой поступок зазорным. Мужчину ты выбрала правильно: спокойного, честного, доброго. Он тебе нравился, но ты не теряла голову. Вот если бы ты легла со своим степняком... я бы не осудила, нет. Но это было бы гораздо хуже.

– Почему? – удивилась я. – Получается, что с нелюбимым лучше?

– Потому что твой степняк, прости, Мила, не тот человек, которому можно сказать: всё кончено, уходи. Он не украл тебя только потому... не знаю почему! Слишком любит, наверное. Бережет. Ну и ты, умница, вовремя его осадила.

Я осадила? Он сам пропал.

– А что мне теперь делать с Волчком? – спросила я. – Он ведь вроде как теперь мой жених. Сказать ему? Или молчать?

– Ну после свадьбы-то в любом случае станет известно, – задумчиво сказала Линд. – Я бы посоветовала сказать заранее, кто его знает... может, для него это важно. Пока оглашения не было, можно решить этот вопрос без соседских ушей.

Я тяжело вздохнула. Что ж, сама развлекалась, сама и ответ держать буду.

Линд приподнялась, потерла поясницу, взъерошила свои рыжие кудри, и внезапно я увидела то, что не хотела замечать раньше.

– Ты в положении! – изумленно выдохнула я.

– Уже четыре месяца, – кивнула Линд. – К твоей свадьбе буду толстой как корова.

– Я безмерно рада за вас с батюшкой, – честно сказала я. – Хоть бы мальчик родился!

– Я бы тоже этого хотела, – ответила Линд. – Не Славке же теперь титул передавать. Ты сама кнесса, ты больше не наследница. А мальчик... он все распри решит.

И взаправду, если у моего отца появится сын, это разом решит множество проблем. Я ведь даже не думала, что став кнессой, больше не могу наследовать отцу. Приданое мое останется за мной, но батюшкино имение и титул, которые раньше отошли бы моему первому сыну, теперь ничьи. Ну разве что второго сына. Или первого сына Славки? Определенно будет путаница. А где начинаются тяжбы за наследство, всегда будет семейный разлад.

Конечно, Линд уже в почтенном возрасте, мать взрослой дочери. Рожать ребенка ей довольно опасно. Да и соседи сплетничать будут. Как только решилась на такое? Да и Славка буйствовать будет. Хорошо, если ее быстро замуж отдадут. Пусть муж ее норов терпит. Хоть она и добрая девочка, но ее детские капризы уже всем надоели. Да, я бы на месте Линд подольше держала дочь в неведении, но мачеха права – уже сейчас видно, как она раздалась в талии, а через месяц о ее положении не будет судачить только ленивый.

Поблагодарив Линд за материнский совет (судя по рассказам о моей матушке, ее совет был бы совсем другим), я отправилась на кухню. Какие бы муки меня не терзали, про ужин забывать не стоило. Да и надобно проверить, сколько осталось муки, не пора ли организовать

охоту, чтобы пополнить запасы мяса, надолго ли хватит соли и сахара. Сейчас ягоды пойдут, надо будет варенье на зиму наварить. Хотя меня зимой здесь и не будет, порядок должен быть во всем.

На кухне было довольно тихо: летом, в такое пекло как сейчас, старались готовить немного. Тем более Славка в своем заточении деликатесов не просила, Линд кушала мало, а отец пообедает где-то в крестьянском хозяйстве. Уж накормить своего кнеса готов каждый.

К ужину в печи томилось мясо с картофелем, лежали свежие овощи. Только поваренок присматривал за печью, а остальные разошлись по домам. И то правильно – у каждого свое хозяйство, надобно и огород полить, и детей покормить, и клубнику с малиной собрать.

Я попросила хлеба с сыром, налила ключевой воды из ведра и поела прямо тут, за грубым столом, иззубренным за много лет готовки на нем. Даже скатерть стелить поленилась. Чисто и ладно.

Вспомнила про бабу: она в такую жару и вовсе не выходила из комнаты. Послали ли ей обед? Обычно об этом заботилась Линд, но сейчас на нее надежды мало. Бабка не я, хлебом не обойдется. Собрала ей на поднос тарелку с жареным мясом, крынку молока, положила ломоть вчерашнего пирога с зайчатиной. Всё она, конечно, не съест, но и недовольство скудным обедом выражать не будет.

Бабкина комната самая высокая, выше нее только чердак. Вроде и тяжело ей по лестнице забираться, да зато летом там можно на обе стороны окна распахнуть и будет прохладно. А зимой бабка внизу живет, рядом с кухней. К печке поближе. Так и получается, что у всех по одной комнате, а у нее сразу две. Пришлось мне с подносом по лестнице карабкаться.

Бабка сидела у раскрытого окна, пряла шерсть. Она без дела сидеть не любила, раньше много читала и разбирала письма, но когда глазами слаба стала, перешла на вязание и прочее рукоделие. По вечерам рядом с ней сидела Линд, читая ей книги или рассказывая последние новости.

– Бабушка, доброго здравия, – вежливо поприветствовала я старуху. – Я вам обед принесла.

– Слуги совсем разленились, – проворчала бабка. – Дожили, уже кнесинки обед разносят.

– Жарко очень, бабушка, – примирительно ответила я, накрывая небольшой круглый столик скатертью. – Я их отпустила домой. Пусть своим хозяйством займутся. Чай, ужин я и сама накрыть могу. Зачем им возле печки жариться?

Бабка посмотрела на меня пристально, но я взгляд не отвела. И что? Повара да кухарки тоже люди, у них дома есть. Им тоже хочется и варенье успеть сварить, и по ягоды сбегать, и внуков повидать. Тем более, сейчас сенокос, внуки-то на бабках да дедках, да старших сестрах.

А вот санным девкам я нынче разнос устрою. Полы в горнице не мыты, белье не свежее, пыль протиралась неизвестно когда.

Пока бабка обедала, я белье перестелила, подушки и перину в окно на крышу выложила – пусть проветрится. Искупать бы бабку еще, жарко ей, наверное, потно, да ванну в горницу не затащить, а в мыльню пойдет ли?

– Бабушка, а не велеть ли мне баньку затопить? – на всякий случай спросила я. – Или, может, в мыльне ванную подготовить? Я вам спуститься помогу.

– Баньку, пожалуй, стоит затопить, – милостиво согласилась бабка. – Не лишним будет. Да пряжи вели принести побольше. Моя уж заканчивается. Ох и обидно мне, Мила, обузой быть. Хотя бы правнуков мне привезла поскорее, с детками нянчиться я еще в силах.

Приехали! Помним мы, как ты со мной да со Славкой нянчилась. Здесь не сиди, там не стой, под ногами не болтайся. Впрочем, того я сказать бабке никогда не осмелюсь.

– Что ты, бабушка, разве ты обуза? – покачала головой я. – Шерсть прядешь, вяжешь, шьешь, а зимой и вовсе при деле будешь. Хотела правнуков, да видно рано пока. Внука, дай боги, еще покачаешь.

– Да неужто Линда тяжелая? – обрадовалась бабка. – Радость-то какая!
– Похоже, к середине зимы родит, – подтвердила я. – Повезет если, то сына.
– Да коль и дочь, да на тебя похожую, то и не страшно, – внезапно вывезла бабка. – Такая как ты любого парня стоит.

Похоже, как я замуж собралась, всем мила стала! Эх, стара стала бабка, смягчилась. И слуг-то наругать не может, и меня вот хвалить вздумала, и внуков захотела. Правду говорят, меняются люди с возрастом.

Я же поднос собрала, в кухню отнесла, да пошла сенных девок искать.

Если кухарки и поварихи женщины в годах, чаще всего вдовы или жены сезонных работников, то в сенные девки, по-столичному в горничные, берут обычно девушек молоденьких, юрких, незамужних. У нас в доме девок не обижают, не притесняют, работать с раннего утра до поздней ночи не заставляют. Дом и не большой, всего-то два этажа и бабкина горница под крышей, шесть спален, да зала, да гостиная со столовой. А сенных девок сразу полдюжины. Балов да приемов весной и летом устраивать не принято, грязи летом немного, окна еще с весны помыты начисто.

Троих девок на лето отпустили по домам в помощь родителям. Остальным и работы-то, что пыль протирать, белье менять и прислуживать кнессе и кнесинкам. Да только у бабки в комнате непорядок, на лестнице песок. Специально в залу заглянула – пыль столбом стоит.

И такая меня злость да обида взяла! Ведь в кнесовом доме не в пример служба чище, чем в родительском! В родительском они бы и готовили, и младших нянчили, и в огород, и скотину покормить, и по воду сбегать, и прясть, и ткать пришлось бы.

Разыскала двоих, дрыхнут в сарае на сене. Хотела за косы оттаскать, еле удержалась. Выговорила им, пригрозила выгнать да новых из деревни взять. Велела у бабки немедленно всё вымыть, да во всех спальнях проветрить, а после во всем доме пыль протереть.

Третья девка обнаружилась в огороде, пришла клубники для мачехи набрать. Велела ей не маяться дурью, а иди в тень. Мачеха подождет и до вечера, а под палящим солнцем внаклонку стоять – мигом дурно станет. Сказала лучше морса на кухне взять, да отнести и мачехе, и бабке, и Славке заодно.

В отличие от женской части прислуги, мужики были заняты делом. Конюхи убрали стойла, дядько Михайло, крепкий старик без одной ноги – главный наш работник – чинил упряжи. Конечно, завидев меня, работники запрятали в сено бутылку с настойкой, но не мне их ругать. Попросила дядьку затопить к вечеру баню, и отец приедет, намоется, и бабку отвеедем, да и сами пот смоем.

Из всей прислуги в доме постоянно живут сенные девки, конюхи, дядько Михайло да повариха. Остальные приходят из деревни поутру. Обычно в доме еще находятся два мужика в помощь дядьке по хозяйству, но сейчас сенокос – любые руки важны. Дядько в поле не работник, а в доме кнеса ему цены нет. И за слугами присмотрит, и что нужно, починит, и кухаркам тяжелые туши или бочки с капустой поможет донести, и дружинники его уважают. Да и как не уважать, когда он бывший воин, ногу потерявший в настоящем бою? Это сейчас тихо-мирно, и дружина у кнеса скорее для порядка, да чтобы разбойников по лесам ловить, а во времена батюшкиной молодости всякое бывало, и со степью стычки, и северяне войной на нас ходили, и с юга на кораблях враги приплывали по реке.

Благо наш государь, мой дядюшка, человек серьезный: и на речках заставы выставил, и со степью договор подписал, а у северян затишье давно уж. Говорят, в последнее время зимы у них бесснежные, оттого голод и мор бывает. Наш государь даже пару магов к ним послать собирался в помощь. Уж послал или нет – батюшка не сообщил. Сказал только, что ему ехать предлагали, да он отказался. Теперь-то понятно почему – хочет дитя увидеть.

На дворе летом пустота, даже кошки ни одной не видно. Собаки под крыльцо забились, жарко им, бедным. Только цыплята пестрые бегают, им зной нипочем.

И бабка, и я отцу много раз говорили: не дело это, чтобы живность свободно по кне-совому двору расхаживала, перед заезжими людьми стыдно, и кошка нет-нет, да и задерет куренка. Давно бы для цыплят загон сделать и сеткой обнести, но сетку надо в городе покупать, без отца туда не поедешь. Налила собакам воды, да наполнила старое корыто – цыплята поплещутся. Хорошо хоть своего скотного двора у нас нет, один птичник. Мясо да молоко из деревни привозят.

А и съездить бы в деревню, поглядеть, что там творится, но разве что чуть позже, когда зной спадет. Выходило как-то неловко: девкам отдохнуть не дала, а сама без дела маюсь. Вот завтра поутру возьму туес и за земляникой пойду в лес, и Славку заставлю идти. Всё лучше, чем в душной горнице томиться.

Да надо бы стирку затеять, пока дожди не настали, и шторы сменить – все пропылились, и огурцы из деревни заказать – лучше нашей кухарки их солить никто не умеет.

А придет Волчек к отцу свадьбу решать, согнать всех на охоту. Дичи много нынче, а ледники в подвале пустуют. Летом только у сенных девок работы немного, а у меня всегда дело найдется.

Поднялась в отцовский кабинет.

Линд уже там не было, она, видимо, решила вздремнуть, да и правильно. Родится маленький – не до сна будет. В наших краях не как в столице, у матери дитя не отнимают. Редко когда кормилицу нанимают, если только мать совсем слаба. Лекарки говорят, что младенец рядом с родной матерью более крепкий да здоровый растет. А силы магические материнским молоком укрепляются. У Линд дар маленький, но всё лучше, чем никакой. Не отдаст она младенца нянькам, разве что бабка поможет. У отца в кабинете ужас до чего душно, а окна открыть нельзя. Бумаги важные, книги дорогие здесь хранятся. Сюда в его отсутствие только мне и Линд заходить можно.

Не стала задерживаться, выбрала себе книгу из шкафа и к себе в горницу сбежала. Отец для своей матери и для нас разные книги покупал – и про страны дальние, и про обычаи чужеземные, и даже на франкском и галлейском языке имеются. Нас со Славкой обучали на этих языках и разговаривать, и читать, и писать.

Но сейчас я выбрала для себя книгу о любви рыцаря к морской деве. И такие отец покупал, считая, что девицам не возбраняется о любви мечтать, от того браки только крепче бывают.

Взяла и Славке книгу про драконов. Сказки конечно это, но увлекательные. Не бывает драконов, людьми оборачивающимися. Это же законы природы: человек может только в того обернуться, кто ему по весу близок: в волка ли, в медведя, в барса. Ни в белку, ни в зайца, ни в коня – невозможно.

А драконы – они большие, с дом, а то и с гору: куда лишняя плоть денется? Но в книжках что угодно бывает, в этой вот молодая царевна, проданная мудрому дракону в рабство, завоевывает его холодное сердце добрым нравом и скромностью, а потом мстит своим обидчикам...

Мне нравится. У нас такие романтические истории редко случаются.

Эх, а коли Таман меня украл, ведь и про нас можно было бы книгу писать. Только боюсь, конец был бы не такой радужный: померла бы возлюбленная степного хана от расстройства живота или родовой горячки, оставив мужа безутешным вдовцом, а маленького сына сиротой. Поэтому я лучше в высоком тереме на берегу озера проживу длинную скучную жизнь, чем короткую и яркую – в степном шатре.

Постучалась к сестре, откинула засов – снаружи горницу запирали, чтобы не сбежала. То, что она при желании и в окно прыгнет, отчего-то не учитывалось.

Славка быстро спрятала под подушку какую-то небольшую книжку и уставилась на меня испуганно.

– А, это ты, – с облегчением вздохнула она. – Я думала, матушка.

– Я тебе почитать принесла, – сказала я. – Ты, кажется, такую книгу и не видела.

– Да есть у меня... книжечка... – смущенно пробормотала сестрица. – У Агнешки выпросила.

– Покажи, – попросила я.

Славка протянула мне небольшой томик в коже противно-розового цвета. Я открыла на первом попавшемся месте, вгляделась в строчки и немедленно залилась краской. «Рыцарь рванул на своей неверной возлюбленной платье, обнажая высокую белоснежную грудь. Припал горячими жадными губами к ее соскам. Амелия застонала, выгибаясь»

Захлопнула книгу, уставившись на Славку безумными глазами. Встряхнула головой. Да нет, померещилось. О таком в книжках не пишут. Открыла на другой странице.

«Амелия уже ждала его в постели. Из одежды на ней была только полупрозрачная сорочка, не скрывавшая ни ее груди, ни темного треугольника внизу живота. Рональд почувствовал, как его член немедленно налился силой...»

– И как много ты прочитала? – хрипло спросила я у сестры.

– Только начала, – призналась она. – Интересная книга. Там, представляешь, невеста Рональда, думая, что он погиб на войне, выходит замуж за соседа, а он возвращается...

– Славка, – откашлявшись, сказала я. – А у Агнешки откуда такие книги?

Славка пожала плечами. Ее, наверное, это мало интересовало.

Вообще-то Агнешка – замужняя дама, жена младшего сына Борового. Она немногим старше Славки, а по складу характера такая же премилая дурочка. Возможно, после подобных чтений у нее проявляется особое любопытство, которое вполне может быть удовлетворено ее молодым и красивым супругом. А Славке читать об этом совершенно противопоказано. Рано ей еще. Мне-то рано...

– Слав, почитай лучше про драконов, – сказала я. – А эту книжку я у тебя забираю. Она не для невинных девиц. Давай, показывай, где прячешь остальные.

– Больше нету, – покраснела Славка, и я немедленно уверилась, что она прекрасно знает, о чем там дальше написано.

– Ой не ври, – сдвинула брови я. – Отдай по-хорошему, пока матушка не нашла. Сама ведь знаешь, у нее суд скорый. За такое Линд хворостиной не поленится отхлестать.

Славка с печалью извлекла из-под матраса еще две книжонки в таких же противных обложках. Вот же дура, кто под матрасом прячет! В сундук бы закопала, или под подоконником мешочек гвоздиками приколотила. А так сегодня бы и нашли ее книги – я ж велела всем белье перестелить.

– С Агнешкой я еще поговорю, – строго сказала я. – Будет знать, как незамужним девушкам книжки свои неприличные давать.

– А замужним, выходит, можно? – с любопытством спросила Славка.

– Думаю, можно, – ответила я. – Ты мне лучше скажи, за земляницей завтра со мной пойдешь?

– А выпустят ли? – засомневалась сестрица.

– Так по делу же, не по прихоти какой.

– Конечно, пойду, – обрадовалась Славка. – Хоть куда пойду, лишь бы из горницы выбраться!

Глава 4. Женихи

За земляникой ходят рано, на рассвете, пока воздух еще свеж и пахнет ночью. На зеленой траве словно драгоценные камни сверкает роса, заливаются птицы, где-то в деревне кричат петухи, мычат просыпающиеся коровы. За ягодой пошли впятером: я, Славка, две сенные девки да охранник из отцовской дружины. Лес хоть и тихий, и к дому близкий, а четырех молодых девушек кто-то и обидеть может, да и волки порой к нам заходят. К тому же с парнем интереснее – он и пошутить может, и корзины понести. Дело молодое: по дороге до рощи и повизжали, и побегали, и шишками покидались.

В роще березовой, где земляничные поляны, светло и ясно от белых стволов. Земля красна от спелой душистой ягоды. Пока собираешь, и наешься досыта. Каждая по большому туесу набрала, даже и Славка, а еще лисичками да маслятами, да рыжиками целую рубаху наполнили. Не землянику же высыпать? Вот и заставили парня рубашку снять, рукава завязали да грибов накидали. Как будто мешок вышло. Рубашку после маслят, конечно, на тряпки только, но кто ж за ягодами хорошую одежду надевает?

Мы со Славкой вон только юбки полотняные да рубашки надели, которые обычно в баню надевали – старые совсем. А деревенские и вовсе в нижних рубашках, подпоясавшись, вышли.

Хозяин леса сложностей не любит. Сам просто одевается – рубашка, портки да лапти, и тех, кто в его лес в шелках ходит, не жалуется. Таких в трех соснах закружит, в болото заведет, шелка ветками изорвет. А кто к нему по-простому, с поклоном да приношением приходит, тех не обидит, отдарится грибами да ягодами. Да и молодых он любит куда больше, чем стариков. Говорят, и пошалить с девушками может, отчего некоторые незамужние с животами потом ходят. Только кажется мне, что это отнюдь не лешего заслуга. А девки обычно и ходят в лес чуть не голые – в одних рубахах на голое тело. Я, правда, такого непотребства не допускаю. Проследила, чтобы лиф и панталоны под рубахой у всех были. А то потом матушки наших слуганок такой вой поднимут – не хозяин леса будет отвечать, а мы.

Я лешего ни разу не встречала, но на всякий случай и каравай хлеба оставила ему, и молока кувшин. Мало ли что может случиться.

И все равно Славку потеряли. Как в сказках – ягодка за ягодку, а её и рядом нет. Я как поняла это, обмерла. Неужто сбежала? Хотя... чтобы Славка без платья нарядного сбежала? Нашлась она довольно быстро. На лицо как была, так и осталась, юбка в порядке – выдохнула. Дай богиня, не с мужиком встречалась, а действительно, просто заплутала.

Людей почти нет, все на сенокосе. На речке еще накупались вдоволь, венки из цветов полевых плели, песни пели.. Так и возвращались домой: босые, с мокрыми косами, с венками в волосах, с мокрыми от росы юбками, с полными корзинами и в компании полуголого парня.

Самый лучший вид для встречи с женихом.

Митрий Волчек собой хорош. Не слишком высокий – с меня, но отменно сложенный, с орлиным профилем, русыми кудрями и белозубой улыбкой. И одет вроде просто: сапоги да штаны с рубахой, а видно: не простой человек, князь. Рубашка белоснежная, тонкого батиста, с кружевными манжетами, сапоги до блеска вычищенные, кушак шелковый. Рубашка по случаю жары на груди расстегнута, на груди шерсть рыжеватая торчит – оборотни всегда волосатые.

И тут я ему навстречу с корзиною, в рубашке застиранной до прозрачности, растрепанная да босая. Как бы не сбежал он от такой-то невесты! Не сбежал, смелый. Наоборот, корзинку у меня забрал, заулыбался сахарно. Где-то за спиной вздохнула Славка. У нее-то он корзинку не принял.

Попросила его подождать, да с нами отобедать, а сама бегом в горницу – переодеться, косы переплести. На всякий случай мачеха Славку под замок обратно посадила – чтобы не опозорила нас. А я девку сенную совсем загоняла: зеленое платье не хочу, сливовое слиш-

ком мрачное, белое чересчур нарядное. Остановились на желтом в белую полоску, с широкой юбкой. Тоже сильно нарядное, но тонкое, рукав короткий и цвет мне к лицу.

К платью прилагалась кружевная пелерина, скрывающая рукава по локоть и прячущая грудь, но я ее надевать не стала – куда ее в жару? Да и что у меня той груди? Я ж девушка скромных статей. В волосы желтую шелковую ленту вплела, сережки янтарные в уши вдела, погляделась в зеркало – собой осталась довольна.

Обед столовой накрыли по-семейному. Скромно, но все свежее: свекольник холодный, рыба речная с белыми грибами, овощной салат да кувшин морса. Медовуху и наливки подавать не велела – не для летнего обеда они.

По случаю приезда гостя спустилась бабка, Волчека знавшая с детства. Весь обед она его и занимала, расспрашивая об урожаях, о здоровье всевозможных родственников, о соседских сплетнях.

Волчек терпеливо отвечал на вопросы, впрочем, ловко обходя некрасивые подробности всяческих происшествий. Нет, он не думает, что у кнесса Борового новая невестка вертихвостка и дурочка. Он нашел ее вполне воспитанной и скромной девушкой, а что она живая и веселая по характеру, так младший сын у Борового очень серьезный, даже угрюмый юноша, ему такая жена скучать не даст. Да, видел сына Василевского. На отца не похож? Да ведь он один-в-один покойный дед – взгляд тот же, и волосы торчком, и мосластый в деда. Словом, понравился мне Волчек.

После обеда вышли с ним прогуляться – к речке сходить, да на голубятню поглазеть. Что ж, нынче и поговорим.

Едва от дома отошли, Митрий сразу завез беседу.

– Милослава, ваш батюшка на днях к нам заезжал, – не стал тянуть Волчек. – Сказал, что согласны вы стать моей супругой.

– Я-то согласна, князь, – ответила я уныло. – Да нужна ли вам такая жена как я?

Волчек поглядел на меня недоуменно, нос его дрогнул. Принимахивается, знамо дело.

– Вы не беременны, – наконец сказал он.

Да они что, сговорились?

– А должна? – удивленно спросила я.

– А какая еще может быть причина для отказа от брака? – приподнял брови оборотень.

– Возможно, другой мужчина? – предположила я.

– Но вы же дали согласие! – пожал плечами Волчек. – Значит, готовы меня видеть своим супругом. Значит, я вам не противен. Да и не чувствую я запаха чужого от вас.

– Потому что мужчина этот давно в прошлом, – сказала я, а сама в двери голубятни нырнула.

Щеки горели огнем. Голова от страха кружилась. Митрий проследовал за мной в темное каменное строение.

– Милослава, я не понимаю, – сказал он, взяв меня за руку. – То ли вы мне отказываете, то ли спросить что-то хотите.

– Князь, у меня был мужчина. Один. Я не девушка, – бухнула я. – Вы вправе отказаться от такой невесты.

– Вы его любите? – спокойно спросил Волчек.

– Нет.

– Вы боитесь мужчин?

– Что? Нееет!

– Так в чем дело? Мила, я оборотень. У нас нет понятия девства. Но зато есть понятия верности. Ты будешь мне верна, Мила?

Он склонился к моему лицу так близко, что мне пришлось вжаться лопатками в холодный камень стены.

– Буду, – тихо ответила я.

– Ты меня не боишься? – Волчек приподнял мне подбородок не человеческим пальцем – волчьим желтым когтем.

– Ни капли, – выдохнула я.

– Прости, я волнуюсь, – пробормотал он, не делая, впрочем, ни малейшей попытки убрать от моего лица человечье-волчью руку. – А когда я волнуюсь, бывает вот так. Особенно в полную луну.

– Какие интересные возможности это открывает для брачного ложа, – прошептала бесстыжая я, до полночи читавшая Славкину книжку.

Глаза Волчека изумленно расширились, он явно не ожидал такого ответа. Я вложила свою руку в его деформированную ладонь и опустила ресницы. Неужели не догадается?

Еще как догадался: притиснул к себе, потянул за косы, прижался ртом к моим полураскрытым губам. Целовал он меня совсем не целомудренно: покусывал губы острыми клыками, сжимал пальцами талию (впрочем, не спуская рук ниже), вклинил колено между моих ног.

Не знаю, как далеко он бы зашел, а я бы ему позволила, если бы снаружи не раздался громкий нарочитый кашель. Мы отпрянули друг от друга как два подростка. Я спрятала лицо в ладонях – было и стыдно, и смешно.

Волчек убрал мои руки, заглянул в глаза:

– Тебе нечего стыдиться, сладкая моя, – тихо, но убедительно сказал он. – То, что произошло – благословение для нас обоих. Я счастлив, что моя будущая супруга не прогонит меня из спальни в брачную ночь.

Я робко улыбнулась ему. Уж я-то как счастлива!

Кашель раздался снова, пришлось выходить. Возле голубятни стояла хмурая мачеха, нетерпеливо постукивая прутиком по подолу летнего платья. Она внимательно осмотрела меня: и мои, без сомнения, припухшие губы, и пунцовые щеки, и почти не измятое платье, на котором не было расстегнуто ни одной пуговицы. Очевидно, результат ее устроил, поэтому она кивнула и устремила грозный взгляд на Митрия.

Каким непостижимым образом крошечная Линд, которая была оборотню по плечо, ухитрилась смотреть на него свысока? Волчек взгляд понял правильно, смущенно опустил глаза и, кажется, даже немного покраснел.

– Любите голубей, князь? – ласково поинтересовалась мачеха. – Есть ли у вас голубятня?

– Нет, кнесса, – вежливо ответил Волчек. – Я предпочитаю хищников. У меня в тереме есть соколятня.

– В таком случае, я бы порекомендовала вам гулять подальше... и не тревожить лишний раз нежных птиц.

Волчек согласно склонил голову, а потом, когда Линд отвернулась, нахально мне подмигнул.

С того дня Волчек заезжал ко мне довольно часто, оставался и на обед, и на ужин. Мы много гуляли и вместе ездили верхом по деревням. С ним было легко и спокойно, и я очень радовалась этому. Если нас и дальше будет связывать нежная дружба, жизнь моя в замужестве будет приятна. Славкины книжки разбудили во мне порочную женскую натуру.

Волчека я сразу рассматривала не как друга, а как мужчину, и с каждым днем все нетерпеливее ждала свадьбы.

Все чаще я позволяла ему не просто целовать себя в березовой роще, или на траве возле реки, или в конюшне, но сама с желанием и волнением отвечала на поцелуи, сама подставляла шею под горячие губы и острые клыки, а пару раз даже (сама не поняла как) запустила руки под его рубашку и зарылась пальцами в шерсть на его груди.

Если бы не бдение Линд, за которое мы оба были ей крайне благодарны, мы бы наверняка перешли черту. Отец, занятый своими делами, совершенно не замечал, что я порой выходила

к завтраку в шелковом шарфике, скрывая царапины от клыков, но от зорких глаз Линд не укрылось ничего.

В один теплый августовский день она зашла в конюшню аккурат в тот момент, когда Волчек, нашептывая мне всякие глупости, поглаживал меня по груди, дерзко запуская пальцы в полурасстегнутый ворот некогда скромной блузки на пуговках. Я млела от его ласк, откинув голову и прикрыв глаза.

Наверное, мы могли бы, скрывшись от мачехи, предаться страсти до конца. Ничего сложного в этом и не было. Но нам нравились эти игры, это волнение, предвкушение чего-то большего. Обоюдным молчанием мы отложили самое интересное до брачной ночи, хоть с каждым разом сдерживаться становилось все труднее.

Линд, что не удивительно, была зла. Я, красная как рак, дрожащими пальцами застегивала пуговицы на блузке, а Волчек задумчиво рассматривал паутину на потолке. Она сердито глядела на нас, подперев рукой поясницу, отчего ее аккуратный животик казался уже внушительным.

– Князь Волчек, – сурово сказала мачеха. – Мне кажется, что вы совершенно забросили свою стаю. Вам надо больше бывать дома. Как бы не вышло, что в один день вы вернулись в свой терем уже не князем, а жертвой собственной невнимательности. Да и дела хозяйские требуют постоянного присмотра. Я вынуждена настаивать, чтобы вы занялись подготовкой к семейной жизни... у себя в поместье.

Князь тяжело вздохнул.

– А ты, Мила, мне казалась куда более здравомыслящей девицей, – выругала Линд и меня. – Но, видимо, я зря надеялась на твое благоразумие. Отныне мы ждем князя Волчека на обед не чаще раза в неделю. Думаю, вы достаточно узнали друг друга, и никто более не сомневается в том, что брак заключается по доброй воле.

Она так и не дала нам проститься, буквально выставив Митрия прочь. Не сказать, что я на нее обиделась. Во-первых, она была в своем праве, во-вторых, я и сама видела, что еще немного, и у нас обоих не достанет терпения дождаться свадьбы. Казалось, осталось вытерпеть каких-то полтора месяца, и эти дни не будут для меня мучительны.

***

Стояла самая благодатная пора года – исход лета.

Забот было невпроворот: в лесах созревала черника, грибов было великое множество, во дворе горой лежали пузатые тыквы, огромные кабачки, стояли корзины со сливой, черешней, вишней, краснели груды яблок. Всё это надо было перебирать, мыть, варить варенье либо солить на зиму. Да, зимой меня уже здесь не будет, но я не сомневаюсь, что я всегда смогу прислать людей за нужными мне припасами.

Из деревни вызвали в подмогу еще женщин. Никто не роптал на лишние работы, хотя и у деревенских самих было чем заняться. Отец своих людей не оставлял в час голода, зимой каждый мог попросить у нас и горсть замороженных ягод, и сушеных грибов на похлебку, и тыкву либо кабачок.

Господский дом всегда запасал продукты на случай голодных зим. Утром мы бежали в лес с туесами, днем перебирали ягоды, чистили и резали грибы, вечером варили варенье. Часть припасов традиционно откладывалась для осенних ярмарок, часть – для обмена со степью. Овощи и фрукты, которые выдерживали долгое хранение, спускались в погреба и сухие подвалы, укладывались в кладовые.

Работали все – и Славка, и беременная мачеха, и бабка. Бабка уже не могла перебирать ягоды и чистить грибы, но нанизывать их на нити и развешивать во дворе подобно зимним украшениям у нее получалось очень ловко.

Погода нас баловала – дождей было немного, днем было тепло, солнце больше не палило, а лишь ласкало. Ночи еще не были холодными, впрочем, мы этого почти не знали – засыпали, едва касались перины. А поутру снова в лес, или собирать бесконечные огурцы, или дергать морковь...

Закончились ягоды, собраны вишни да сливы – пришла пора жать хлеб. Двор наш опустел. Из мужчин в доме остался дядько Михайло и один дружинник с оружием – на самый крайний случай и в помощь женщинам. Хлеб хлебом, а надо и капусту солить, и огурцы, и яблоки на чердаке раскладывать. Бедный дружинник, наверное, упахивался почище тех, которые работали в поле – ни минутки у него свободной не было.

Славное выдалось лето! Дождей было впору, урожай собрали богатый. Погреба и подвалы забиты под самый потолок, даже пришлось строить еще один сарай.

С тем, что лежало сейчас в кладовых, мы могли без хлопот прожить не то, что несколько лет – пару десятилетий. Но десятая часть поедет к государеву двору, в столичные житницы, половина будет продана на ярмарке, много заберут и степняки, привезя на обмен баранину, конскую пахучую колбасу, дубленые шкуры, шерсть, кожи и так необходимую нам соль, добываемую ими в своих соленых озерах.

У нас в волости почти не было пастбищ, в полях везде росли пшеница, овес, рожь, ячмень. Были целые поля подсолнухов и кукурузы. Отдыхающие от пахоты и сева угожья выкашивались.

Конечно, в каждом хозяйстве была своя корова или коза, но не для мяса – только для молока. Мясо мы закупали у соседей по необходимости, засаливали, либо складывали в ледники. Да и более мы привыкли к дичине, к птице и рыбе, чем к говядине и тем более баранине.

Может показаться, что всё лето мы работали, не разгибая спины, почти без отдыха. Это, конечно, не так. Были и охоты, на которые традиционно съезжались ближние соседи с женами и детьми. Тогда у нас возле дома ставились прямо во дворе шатры наподобие степных и туда сносились лишние перины, подушки и покрывала. Мужчины ночевали в них, большинство женщин и детей тоже. В доме размещали только малышей или слабых здоровьем.

Ночевали в шатре и мы со Славкой, и с нами несколько молодых женщин – и пресловутая Агнешка, и еще несколько соседских дочек и жен. С Агнешкой я пыталась было поговорить, но сама не поняла, как у меня в руках оказалось несколько новых книг, да еще и с картинками.

Из девушек я была самой старшей, остальным и восемнадцати не было.

Но и я была невестой, так что стыдиться мне было нечего. Напротив, молодые жены пытались со мной уединиться и рассказывали такие подробности семейной жизни, что я только ахала и краснела. Большинство вещей я уже знала из книг, но не верила, что такое происходит и в супружеских спальнях. Оказывается, я в свое время вела себя как монашка, довольствуясь торопливыми поцелуями и поспешными ласками в темноте. Пожалуй, я бы хотела испробовать все те вещи, о которых узнала.

Жаль только, что пока никакой возможности не было. Хоть Волчек и был почетным гостем на охоте, мы виделись очень мало. Едва и успели обменяться парой поцелуев в темном углу. А ночью, когда казалось бы, я могла бы и улизнуть к нему, за мной зорко следила Славка. Роли поменялись. Теперь она была моей дуэньей, а я – развратной девицей, только и думающей о мужских объятьях.

Охота окончилась, гости разъехались, а я осталась в смятении и грусти. Оставшись в одиночестве своей спальни, я жадно глотала Агнешкины романы, а потом поутру просыпалась в поту и с отчаянно колотящимся сердцем.

Мне уже было мало кратких свиданий с Митрием по воскресеньям, мне хотелось гораздо большего. Я едва сдерживалась, чтобы не затащить его в спальню, толкнуть в кровать и сделать с ним всё то, что мне снилось в этих постыдных снах.

Волчек или не замечал, или специально меня дразнил, но больше не было у нас поцелуев, кроме как скромного поцелуя руки. Было обидно, и в один день я приветствовала его очень сухо и весь обед молчала и в его сторону не смотрела.

Маневр удался. Он попросил у отца дозволения отпустить меня с ним до реки, а дальше он поедет сам. Линд пыталась было возразить, но под взглядом отца замолчала. Отец дозволил.

Некоторое время мы шли рядом. Уже смеркалось, и вечер был свежий, на луга вдоль реки ложился туман.

– Я чем-то обидел тебя, Милослава? – спросил, наконец, он.

Я молча поглядела на него и поплотнее укуталась в шаль.

– Ты не любишь меня больше? – остановился Волчек.

– Что ты думаешь о Славке? – спросила я.

Хоть сестра, казалось, успокоилась и смирилась с моей свадьбой, но я знала, как она плакала ночами и слышала ее детские молитвы.

– О твоей сестре? – удивился он. – Ну... хорошенькая девочка. А что я должен о ней думать?

– Она очень влюблена в тебя, – сказала я. – Давно.

– И что? Мало ли кто в меня влюблен, – пожал плечами оборотень. – Я ее знать не знаю. Да она совсем ребенок!

– Ей шестнадцать, – сообщила я. – Она вполне взрослая девушка.

– Я не понимаю, зачем ты мне это говоришь, – начал сердиться Митрий. – Я женюсь на тебе, а она мне неинтересна.

– Возможно, тебе бы стоило жениться на ней.

Он отпустил повод коня, схватил меня обеими руками и уткнулся носом мне в шею. Я знаю, что во время брачной ночи он прокусит это место, поставив на мне свою метку. Оттого-то каждый раз он и целовал меня там – то ли примерялся, то ли постепенно приучал меня к этой мысли.

– От тебя не пахнет другим, – пробормотал он, касаясь удлинившимися клыками моего плеча.

Я вдруг осознала, что он едва сдерживается, чтобы не укусить меня прямо сейчас.

– У меня нет другого, – отвечала я, замерев. – Но возможно, я тебе больше не нравлюсь?

Он шумно втянул воздух, а потом взял мою руку и потянул вниз, положив ее ниже своего пояса.

– Ты не понимаешь, – прошептал он. – Я схожу с ума от невозможности немедленно сделать тебя своей. Я боюсь к тебе прикасаться.

Замерла, прекрасно понимая, что одно дело – позволить жениху чуть больше, чем следовало, и совсем другое – набрасываться на него как мартовская кошка.

Он так и не поцеловал меня. Оттолкнул от себя, вскочил на коня.

– Я больше не приеду до свадьбы, – крикнул он. – Не могу так.

– Стой, – сказала я непонятно зачем. – Обещай мне... если что-то со мной случится, ты женишься на Славке.

– Ты с ума сошла? – сухо спросил Волчек. – Ничего не случится.

– Обещай.

– Ладно, – вздохнул он. – Обещаю, что если случится что-то, отчего ты не сможешь выйти за меня замуж, я возьму в жены Славку. Довольна?

Он сжал бока своего коня и умчался прочь. Я побрела домой. Самые мрачные предчувствия обуревали меня.

Таман.

Я точно знала, что он здесь, в нашей волости. Он не приехал повидаться со мной, но это и не удивительно. Отец наверняка запретил. Как запретил мне ездить на традиционный торг

со степняками, взяв на этот раз с собой Славку. Славке, а не мне дарили цветные бусы, Славку, а не меня катали на лучших лошадях и угощали горячими лепешками. Впрочем, сейчас меня это вовсе не расстроило.

Я чувствовала, что он где-то рядом. Мне порой казалось, что я ощущаю на себе его взгляд. Даже сейчас. Особенно сейчас. Я уверена, что он следит за мной. Видел и разговор с Волчеком, да и слышал его. Мы голосов не сдерживали. И сейчас я думала про себя, что я последняя тварь. Он слышал про Славку. Я подготовила ему путь и прикрытие.

Разве может порядочная девушка думать о двоих мужчинах сразу? Разве может любить... ну пусть не любить, любовь – слишком сильное слово – мечтать о двоих? Я готова была принять как мужа и степняка, и оборотня. Я, пожалуй, даже не могла решить, кто из них мне милей.

Что я сейчас сказала Митрию? Для кого я это сказала: для Славки? Или для себя? Прозвучало это словно «Эй, Таман. Я не так уже и хочу замуж за Волчека. Пусть он женится на Славке, если ты вдруг меня сподобишься украсть».

Впрочем, нет. В тот момент я думала только о слезах в глазах сестры. Митрий хорош, мне он нравится, но если ничего не сложится – я не буду долго переживать.

Я тряслась как осиновый лист, в каждый момент ожидая нападения, но не могла не думать о степняке. Все-таки я была в него немного влюблена. Или не немного. Первая любовь – она, наверное, никогда из сердца не выветрится.

Внутри словно узел завязан, я вздрагиваю от каждого шороха, иду, стараясь не сорваться на бег. Не мчусь домой со всех ног только потому, что боюсь упасть и сломать ногу перед свадьбой – тропинка через луг не самая ровная.

Ближе к дому меня встречает отец, сказав, что вышел прогуляться. Хорошо, что темно и он уже не увидит мои, вероятно, безумные глаза. Поднявшись в свою комнату, я свернулась калачиком на кровати и позволила, наконец, себе заплакать.

Не хочу замуж!

Не хочу ничего менять в жизни!

Хочу целоваться с Волчеком в конюшне. Хочу танцевать с Таманом. Хочу хозяйничать в доме отца, где всё знакомо, всё понятно, где меня уважают. И детей не хочу – это больно и страшно. А у оборотней принято рожать много детей. У степняков тоже.

Так и заснула в платье, даже не укрывшись одеялом.

Следующим утром я была совершенно разбита. Сказалось вчерашнее напряжение. На Волчека осталась обида. Оказывается, ему так просто заявить – я больше не приеду. И всё. А как буду чувствовать себя я – плевать. Такая же невнятная обида и на степняка. Шла ведь вчера одна, да ночью. Мог бы и показаться!

Все это было так нелепо, что я даже посмеялась над собой. И чтобы хоть как-то стряхнуть эту сонную хмарь, решила прокатиться на Снежке.

Сбор зерновых закончился, и отец сейчас дома, а дома он обычно спит до полудня. Все ходят тихо-тихо, чтобы его не встревожить. Вот и я тихо-тихо умылась, надела юбку с разрезами для верховой езды, схватила на кухне пару яблок – для меня и для Снежки – и вывела свою девочку за околицу. Когда поля стоят пустые, убранные, ездить на лошади – самое милое дело. Просторно, широко, можно и галопом промчаться, прыгая через канавы. Снежка – лошадь выученная, мне с ней легко и весело.

Я несколько даже и не удивилась, увидев вдалеке небольшую фигурку всадника на коне. Колдуна я признала сразу – второго такого жеребца в наших краях нет. Засмеялась радостно – приехал! Пустила Снежку в галоп, пытаюсь ускакать от Тамана. Знаю, чувствую – ему нравится догонять, ловить, покорять, это в его крови.

Иногда мне кажется, что женщины легко читают мужчин и, если захотят, то к любому подберут ключик. Оборотню нравится покорность – с ним я тиха. Таману по душе охота – пусть!

Догнал он меня довольно скоро, догнал и рывком сдернул с седла, усадив перед собой. Он делал так и раньше, да только я была еще совсем девчонкой, и ростом меньше, и не в пример легче.

Я испугалась, вскрикнула, стала вырываться – неужели прямо сейчас увезет? Я думала, сначала поговорим. Он заговорить не дал, сразу принялся целовать меня.

– Минем, – говорил он между поцелуями. – Минем шабаки.

«Минем» я догадалась – моя. Шабаки? Может, госпожа, может, любимая. Неважно. Потому что я не его.

Губы его были горячие, сухие, руки сильные, но я больше не испытывала каких-то чувств. Кроме клятого любопытства, конечно, но оно, как известно, до добра не доводит.

Даже обрадовалась – не такая уж я и порочная, как боялась. Оттолкнула степняка, прижала ладонь к его губам.

– Таман, я замуж выхожу. Отпусти меня, это неправильно.

– Ты будешь моя, – сверкнул он глазами.

Ой, мамочки! Все-таки я порочная. В животе от его слов ухнуло, голова закружилась.

– Отпусти меня немедленно! – вскинулась я. – Как ты смеешь!

А вот теперь хорошо, правильно. Кнесса я или крестьянка какая?

Усмехнулся, спустил с коня и сам спрыгнул. Зря, наверное. Он ведь ниже меня ростом. Сразу всё очарование момента рассеялось.

– Я украду тебя со свадьбы, – заявил степняк.

– Я не поеду с тобой. Я слово другому дала, – спокойно ответила я.

– Я никому слова не давал, – невозмутимо пожал плечами Таман. – Я долго ждал, Мила. Ждал, пока ты вырастешь. Ждал, пока ты поправишься после выгорания. Обещал твоему отцу, что не буду тебя тревожить – и не приезжал. Думал, выкину тебя из сердца. Не смог. Тебя одну я ждал, минем шабаки. Никто кроме тебя мне не нужен. Обещаю тебе – никаких других женщин в шатер не приведу. Ни жен, ни наложниц. Зачем мне другие, если есть ты?

Он неувловимым движением скользнул на колени передо мной, обхватил меня за ноги, прижался головой к моему животу. И почему-то стал для меня гораздо выше, чем когда стоял рядом. Таман что-то говорил на степном диалекте, быстро, зло. Я понимала лишь несколько слов – моя, ждал, шатер. Обычно степняки разговаривают на славском. Степной язык знают лишь старики. Что ж, вождь на то и вождь, чтобы уметь разговаривать с каждым из своего народа.

Наконец он замолчал и поднял лицо, смотря на меня. Наверное, ни один мужчина не глядел на меня с такой страстью, с таким желанием. Куда там оборотню до этих голодных глаз, до тяжелого дыхания, вздымающего блестящую от пота смуглую грудь? В его глазах я ощущала себя самой прекрасной женщиной на земле.

Таман некрасив. Его круглое лицо темно от загара и шершаво от ветра, нос приплюснут, глаза узкие, раскосые. Голова его обрита, как и положено хану, лишь немного черных волос на затылке, завязанных, словно лошадиный хвост. У него кустистые брови и морщины под глазами. Степняки иногда бывают красивы – высокие, гибкие, с одухотворенными лицами. Таман низкого роста, коренастый, очень мускулистый, с длинными руками и кривыми от вечной езды на лошади ногами.

Но сейчас он мне кажется невероятно красивым, даже острый запах пота и лошади мне нравится. Всё его тело дышит какой-то звериной страстью. Это вам не оборотень, который даже между поцелуями не теряет голову.

Стоит только дать намек, сказать полслова – и я стану его женщиной прямо сейчас. Но если я позволю – он не остановится. Он больше не отпустит меня. И я молчу, скрывая свои желания – а они есть. Его страсть захватила меня. Внутри головы словно студень, мыслей никаких – кроме одной. Вот бы почувствовать еще раз его губы на своих губах! Неужели мне все

равно, лишь бы мужчина? Эта мысль охлаждает почище ушата ледяной воды. Мне до слез стыдно за себя.

Степняк чутко угадывает моё настроение, отпуская. Я опускаюсь на колени рядом с ним, смотрю в глаза как ребёнку:

– Прости меня, – шепчу я. – Я дала слово. Я невеста другого.

– Скажи мне, что я тебе не люб, и я уйду и больше тебя не потревожу, – отвечает он, не сводя жадных глаз с моего лица.

Проклятое женское кокетство не позволяет мне обмануть. Я опускаю ресницы, ничего не отрицая, но и не обещая. Этого достаточно для нас обоих. Я словно дала ему разрешение. Он словно получил согласие.

Я не жажду жить в степном шатре, но богиня! как я не хочу потерять такую любовь! И как будто мне мало его мучений, я добиваю:

– Поцелуй меня один раз. А потом уходи навсегда.

На его лице торжество. Он выиграл этот раунд и получит награду. Осторожно, боясь меня напугать, он берет мое лицо в ладони, пробует губы на вкус, очень нежно, очень мягко.

Но это же Таман! Дикий степняк, привыкший брать, а не давать. И вот он уже целует так сильно, яростно, раздвигая мои губы языком, вторгаясь, почти насилуя. А я позволяю ему это. Я всё ему позволяю – и хватать меня за плечи, и тянуть за косы, и запускать горячие руки под блузку, стискивая грудь. Я порочная женщина, готовая отдаться первому встречному. Он очнулся сам, я так и не оттолкнула его.

Оторвался от меня, запрокинул голову и издал дикий, словно птичий, крик – крик победителя.

– Ты будешь моей, – говорит он утвердительно. – Ты уже моя. Минем шабаки.

Глава 5. Ярмарка

Я не помню, как я дошла до дома. Помню только, как умывалась у реки, смывала с себя его руки, его губы, его взгляд и очень радовалась, что Волчек сказал, что больше не приедет. Он же оборотень, он сразу почует запах другого. Смогу ли я солгать, что всё было против моей воли?

Дома никто не заметил, хотя мне казалось, что весь мой вид кричит – я, сговоренная невеста, целовалась с другим!

Первым делом отправила гонца к Агнешке – вернула все её книжки. Они на меня влияют неправильно, развращают, заставляют думать совсем не о том, о чем положено думать девушке. Отослала, потому что знала – настанет ночь, и я не удержусь, снова возьму их в руки. Не один раз зарекалась не читать их боле – и читала.

Наступала осень, желтели листья, на улице было ветрено и всё чаще пасмурно, хотя еще и тепло. Собрали почти весь урожай – только капуста еще гордо стояла в огородах, да яблони гнулись под своей зрелой ношей.

Можно было уже не спешить. Все равно амбары да подвалы переполнены, хоть и много забрали степняки. Впереди самое главное событие года – большая осенняя ярмарка. Готовились заранее: проверяли телеги, укрепляли подводы, отбирали самые лучшие, самые красивые плоды. Готовились и мы со Славкой – подбирали наряды, думали, что нужно купить, мечтали о новых бусах и лентах.

Как обычно, отец велел мне составить списки необходимых для хозяйства вещей и дал распоряжение заняться покупками самостоятельно. Я и в прошлые года многие решения принимала сама, но всегда оговаривала их с отцом, да и денег он мне выдавал ровно столько, сколько нужно было в данный момент. Сейчас же он отдал мне узорный кошель – знак того, что я распоряжаюсь золотом по своему усмотрению. Мне было и страшно, и волнительно, но я понимала, что в будущем году я приеду на ярмарку уже хозяйкой. Сейчас отец мог дать мне совет. Что будет дальше – я не ведала.

Ярмарку традиционно разбивали на большом поле возле крупного торгового города Уруха, что в двух днях езды от столицы. Расположение самое выгодное – Урух стоит на широкой реке, которая далее впадает в море, оттого и заморские купцы приезжают сюда постоянно. До столицы не так уж и далеко. Нам до Уруха ехать почти неделю – если с телегами. Но большую часть телег мы отправили заранее, вместе с обозом Боровых, Василевских да Волчеков. Так и охраны нужно меньше. Обратни бойцы лихие, а тут уж почти родственники, отчего ж с ними не сговориться?

В Урухе мы всегда останавливаемся у батюшкиного друга, большого купца. Они вместе воевали когда-то. Он и склады для нас имеет, и подарками одаривает. Денег с нас за постой не берет, но нашим яблокам, да муке, а особенно сушеным грибам и варенью рад невероятно.

А уж как любит наши соленые огурцы да квашеную капусту! Капусты пока нет, ее лучше всего поздней осенью солить, когда уже морозец. Так она вкуснее и ярче. Батюшка ему зимой бочонок пришлет. А огурцы отправили, обложив сеном да тыквами, чтобы не разбили по дороге бочку.

Мачеха с нами в этот год не едет, живот у нее уже большой. Мы все надеемся на мальчика, да и повитуха, на всякий случай перебравшаяся в кнесов дом, тоже прочит сына. Я вписала себе в список новую колыбельку, да пеленки, да погремушки – хочется порадовать Линд. Впрочем, и тут умыслила, что мне следующей рожать очередь будет – всё ко мне перейдет. Вряд ли родители еще решатся на подобное.

К мысли о детях надо было привыкать. Возраст у меня уже солидный, многие мои ровесницы по двое детей уже имеют. Я же в девках засиделась. Да и оборотню наследники нужны.

Детей я не любила и боялась, хоть обычно в доме их было немало. Кухарки да поварихи зимой домой не ходили, и внуков к нам забирали – у нас теплее и сытнее. Да и весной в посевную, и осенью при сборе урожая часто дети жили с бабушками, пока их родители ночевали в поле.

Я росла замкнутой девочкой, рано выучилась читать, охотнее проводила время в одиночестве, в маленьком садике возле дома, с книжкой или с куклами, чем несказанно радовала бабу. Платьев я не почти не пачкала и уж точно не рвала, с детьми не бегала. А вот Славка всегда окружена ребятишками. Она затевает с ними какие-то игры, рассказывает сказки, бегаёт наперегонки. Думаю, матерью она будет куда лучшей, чем я. Жаль, что это нисколько не снимает с меня ответственности за продолжение рода оборотней.

От оборотня и человеческой женщины могут родиться как оборотни, так и люди. Мальчики наследуют род отца, а девочки... девочки либо чистые люди, либо со скрытыми способностями. Они не могут оборачиваться даже частично, но выносливы и сильны. От человека и оборотницы рождаются только полукровки. Иногда со способностью к частичному обороту, но чаще всего – без. Оттого-то оборотниц не отдают людям, разве что в исключительных случаях. А человеческих женщин охотно берут в жены.

Мои сыновья от Митрия будут оборотнями. Это пугало. Маленькие оборотни, на мой взгляд, сущие демонята, разрушающие всё на своем пути. Они не сидят на месте, постоянно куда-то бегут, что-то ломают, куда-то лезут. У степняков дети куда спокойнее, да и сыновья всегда с отцом. Ох, и о чем я только думаю?

Мы едем на ярмарку в карете. На мне темно-красное шерстяное платье с оторочкой из бурого меха норки. Мех сливается по цвету с моими волосами, это красиво.

Волосы я теперь заплетаю в две косы, которые спускаются до колен. В девичестве девушки носят самые разные прически. Невестами – только две косы. На свадьбе отец и жених мне эти косы должны обрезать. Одна останется в доме отца – ее сожгут после моей смерти. Вторая – в доме супруга.

Волосы всегда хранят, на них завязано множество обрядов. По волосам можно узнать, жив человек или нет. С помощью волос можно благословить или проклясть – не очень-то радостно. Проклинают хоть и редко, ведь отзвук проклятья всегда ложится на того, кто проводит обряд, но случается. Чаще всего призывают на голову женщины бездетность или болезнь, сушащую тело, если она изменила супругу. Страшно? Зато женщина сто раз подумает, прежде чем взглянуть в сторону другого мужчины. Проклинают в случае предательства. В случае убийства – и такое случалось в наших краях.

Может показаться, что проклясть человека легко, но это не так. Во-первых, это может сделать только тот, кто волосы срезал. Во-вторых, по традиции, коса, отрезанная супругом, отдается отцу невесты, а отрезанная отцом хранится в доме мужа. В-третьих – обряд очень сложный, можно даже сказать, кровавый. Но все равно – проклинают.

Конечно, обиднее всего, что у мужчин никто волосы не обрезать. Хочешь, изменяй, хочешь, боем смертным жену забей – никто не вступится, кроме родных. Хотя... в нашей стране женщин не казнят, а вот мужчин очень даже запросто. Интересно, с чего бы мне приходят в голову такие мысли? Хотелось бы думать, что меня минует судьба, хоть как-то связанная с проклятьями и казнями.

В карете тесно и душно. Отец храпит вовсю. Славка с любопытством смотрит в окно – как будто там, кроме лесов и полей, есть что-то интересное. Хотя есть, конечно: дружинники, нас охраняющие. Красивые высокие парни. Смотреть на них – одно удовольствие. Только и остается, что на них глазеть. Читать нельзя – буквы в глазах прыгают, спать – спину потом ломит и в висках стучит. Со Славкой особо не поболтаешь – отец рядом.

Даже жалею, что не поехали с телегами – там хоть и долго, зато весело. На карете же едем споро (мы ведь не яблоки, не рассыплемся) и выигрываем несколько дней.

Ярмарка – это не только торг, но и всевозможные развлечения, которые в деревне недоступны. Здесь и циркачи, и кукольный театр, и танцы вечерами, и самые разные угощения.

Первым делом мы со Славкой накупили себе засахаренных орехов, леденцов и сушеных фруктов, залитых шоколадом – лакомство, привозимое из-за моря. После этого заглянули в портновскую лавку за лентами, шальями, новыми перчатками.

А потом началась работа. Отец продавал наши овощи и фрукты, а я как бешеная носилась по торгу, присматриваясь и прицениваясь к тканям, мехам, специям. Накупила льняной и хлопковой ткани, взяла немного цветного шелка и бархата, парчи и шерсти. Купила несколько пуховых шалей, красивую жилетку из овчины для бабушки, сторговала целую телегу валенок – всегда пригодятся в деревне. Торговалась до хрипоты с торговцем специями, выцыганила неплохую скидку на целый воз мехов.

Дружинник, меня сопровождавший, недоумевал, куда нам столько шкур. Глупец! Я уступлю часть из них Боровым и Василевским и останусь еще и в плюсе. На оставшиеся деньги купила мебели: колыбельку, отличный большой буфет, несколько стульев (наши уже несколько раз чинили) и кресло-качалку для мачехи. Представила, как она будет сидеть, укачивая братца, и не удержалась.

Отец продал большую часть товара в первый день и остался очень доволен моими покупками.

На второй день нам со Славкой выдали довольно много денег и разрешили гулять сколько душе угодно. Мы и гуляли. Побывали на цирковом представлении, поглазели на кукольный театр, вдоволь наболтались со всеми подругами, посетили все лавки. Бедный дружинник уже шатался под тяжестью наших покупок.

Встреча с прошлым была неожиданной, но не неприятной. Герман совершенно не изменился за те годы, которые я его не видела. Наши отношения длились всего полгода, а потом он уехал с частью дружины в столицу, откуда не вернулся. Поскольку к тому времени мы уже тяготились друг другом, я только обрадовалась.

Герман – хороший мужчина, спокойный, мягкий. Именно это меня в нем стало раздражать. Мне хотелось, чтобы мой любовник был более настойчив, более властен, а он был неизменно осторожен и нежен. Словно я была хрупкой статуэткой в его руках. Возможно, с крестьянскими девицами он вел себя по-другому, но, видимо, мой статус здесь сыграл против меня.

Он был все также высок и красив, только одет был уже не дружинником, а скорее купцом. Ранее он коротко стриг волосы, а теперь они спускались до плеч – воинам так не полагается. Мы тепло улыбнулись друг другу, всё-таки воспоминания были приятны обоим. Рядом с ним была молоденькая девушка, которую он по-хозяйски обнимал за плечи.

– Кнесинка, – кивнул он мне. – Рад вас видеть.

– Герман, – остановилась я. – Ты больше не воин? Тебя можно поздравить?

– Да, кнесинка, я теперь честный купец, – ответил он. – А это моя супруга Ольгэ.

– Я рада за тебя, – искреннее сказала я. – Желаю вам всяческого счастья и детишек побольше.

Герман незаметно пожал мне руку, напоминая о прошлом и благодаря за добрые слова. Мы раскланялись и продолжили свой путь. Славка дернула меня за рукав, показывая на шатер гадалки.

– Давай зайдем, Мила! – прошептала она. – Любопытно же!

Я не любила гадалек и провидцев. Хотя бы потому, что они обычно говорили правду, которая могла утратить на дно. Но сегодня я согласилась со Славкой. Мне очень хотелось знать, в чьем доме я окажусь после свадьбы.

Славка пошла первой.

Я ждала возле шатра, удивляясь, что очереди к гадалке не было, и лениво препираясь с измученным охранником. Пришлось дать ему слово, что после гадалки мы пойдем отдыхать.

Славка вышла задумчивая, а я смело прошмыгнула в темноту. Впрочем, внутри горели свечи, и не было ничего пугающего. Обычная немолодая женщина с темными волосами и сидела на подушках с картами в руках.

– Присаживайтесь, кнесса, – сказала она, и я вздрогнула, внимательно вглядываясь в гадалку. Я опустилась на подушки перед ней.

Разгадав мой интерес, женщина протянула мне свои ладони. На них была четкая, словно нарисованная черной тушью, татуировка глаза. Истинная предсказательница, окончившая школу пророков!

Поразительно!

То была единственная школа, в которую женщин брали охотнее, чем мужчин, поскольку только женская интуиция позволяла правильно трактовать рассказы костей, карт и прочих гадательных предметов. Неудивительно, что народ боялся гадалку.

Истинные предсказывают абсолютно точно. Никаких расплывчатых трактовок их предсказаний не бывает. Они не дают пути отступлений. Они обязаны говорить правду, будь то весть о смерти или о предательстве. Именно то, что мне нужно.

Я вложила руки в ее ладони. Так полагалось. Ладони у нее были теплые, мягкие, браслеты на запястьях приятно звякали.

– О чем ты хочешь узнать, кнесса? – спросила она.

– О муже, – ответила я. – Кто станет моим мужем?

– Все девушки хотят узнать о муже, – понимающе усмехнулась гадалка. – Что ж, это правильный выбор. Лучше быть готовой к изменениям в своей жизни заранее.

Она веером разложила карты с черной рубашкой на небольшом коврике и предложила мне выбрать три из них.

Колесо.

Волк.

Кандалы.

Женщина нахмурила лоб, а я немного побледнела. Последняя карта мне совершенно не понравилась.

– Ждет тебя дальняя дорога, – сказала женщина. – Непростая. Нежеланная. Но она благополучно окончится.

Не так уж и далеки от нас оборотни, но дорога до них действительно непростая. Тем более для невесты. Нежеланная? Возможно и так.

– Муж твой будущий – оборотень. Сильный. Альфа.

Это я уже и сама догадалась. Хорошо, что конь не выпал. Или плохо?

– А последняя карта... нелегкое будет замужество, – наконец, сказала гадалка. – Не только для тебя. Но и для него. Но связаны вы будете до самой смерти. Только от тебя зависит, как лягут оковы брака: камнем ли на шею, либо золотыми браслетами. Ты девушка сильная и упрямая, это и хорошо, и плохо. Не бойся быть мягкой. Не бойся любви. Не бойся прогнуться и встать на колени – стоящий на коленях порой выше того, кто на коне.

Я, вспомнив Тамана, с ней мысленно согласилась.

– Иди, кнесса, и будь сильной. Сила тебе понадобится. Иди и будь слабой. Слабость тебя спасет.

Глубокомысленно и совершенно невнятно. Так можно сказать любой женщине, которой предстоит брак.

Я разочарована. Я надеялась, что она мне расскажет всю мою будущую жизнь вплоть до количества детей. Однако главное я узнала: не Таман. И мысль эта была до того горькой, что сразу помогла разобраться в себе. Всё-таки сердцу милее степняк.

Вложила в ладонь женщины золотую монету и поднялась. Уже у выхода услышала:

– Не все вещи стоит знать заранее, кнесса. Великие скорби и великие радости должны быть неожиданными, иначе какой интерес жить?

Бесова провидица! Теперь я буду переживать, что еще она углядела в моей судьбе. Надеюсь, что только радости.

Ярмарка потеряла свою пестроту и красоту для меня, и я охотно согласилась вернуться в дом приютившего нас купца.

Славка тоже молчала подавленно. Надо думать, и ей гадалка сказала что-то неожиданное.

Разочарование было болезненным. Все-таки я хотела Тамана. Несмотря на все мои нелестные мысли о степных условиях жизни, на все неприятности, которые мы творили с оборотнем, меня давила мысль о том, что не степняк будет медленно снимать с меня одежду дрожащими от страсти руками, не его темные глаза будут смотреть на меня с восторгом, не его смуглое блестящее тело накроет меня в брачную ночь.

Сейчас мне хотелось бежать к нему, к Таману. Показалось, что душно, я отворила окно. Славка странно на меня посмотрела (нас поселили в одной комнате) и накинула на плечи шаль. Я жадно дышала холодным свежим воздухом с запахом опавшей листвы и все равно задыхалась. Мне хотелось завывать в голос, заплакать, сдерживало только присутствие сестры. Я сделала не тот выбор. Если бы вдруг он показался на улице, я бы бросилась к нему, умоляя увезти меня куда угодно.

Конечно, его здесь не было. К сожалению или к счастью – не знаю.

Славка прилегла отдохнуть и уже сопела, а я даже не могла ходить по комнате – в городе небольшие дома, горница крохотная, хоть и с окном, в ней едва помещаются две кровати.

В городе тесно. Сначала меня восхищал Урух, его причудливые каменные дома, балконы, узкие улочки, мощенные камнем, скверы с фонтанами, ручьями и мостиками, но теперь я его ненавидела. Как будто город был виноват в моей ошибке.

Никто не виноват кроме меня.

Вечером Славка вытащила меня на танцы. Я не хотела, упрашивала ее остаться дома, но она была настойчива. Одну ее отпускать было нельзя, пришлось идти.

Раньше я бы танцевала вместе со всеми в хороводе, но сегодня я сидела на тюке хлопка под деревом, мрачно таращась на развеселую молодежь, стараясь не потерять из вида сестру. Я чувствовала себя ворчливой старухой. Прикрыла глаза, подставив лицо ласковым лучам вечернего солнца. Осень уже наступила, листья быстро желтеют, но пока не морозно. Я всегда любила осеннюю пору за ее спокойствие и роскошную красоту. Лес золотисто-багряный, в саду, прощаясь с теплыми днями, буйно цветут астры и хризантемы, окрашивая мир совершенно в другие, не летние тона: бордовый, алый, фиолетовый, желтый, оранжевый... Небо осенью особенное, холодное, далекое. Воздух другой. В городе осень другая. Унылая, серая, слякотная. В городе не сядешь на лошадь и не помчишься к реке по выкошенным полям. В городе ты будешь думать, как же протопить дом так, чтобы изгнать из него сырость и в то же время не сойти с ума от жары.

Кто-то загордил мне солнце, и я приоткрыла один глаз.

Волчек. Неудивительно, что он здесь. Удивительно скорее то, что он ни разу меня не нашел на ярмарке. Обещания обещаниями, но это просто некрасиво с его стороны, невежливо.

Он, как всегда, шегольски одет: алый жилет поверх мокрой от пота белой рубахи, широкие синие штаны, заправленные в рыжие высокие сапоги. Глаза сияют, на лице румянец, русые кудри взъерошены. Разве что пар с него не идет, так он разгорячен танцами, весельем и, кажется, хмельным вином. Впрочем, все мужчины на ярмарке приложились к кружке.

– Отчего ж вы не танцуете, Милослава? – спрашивает он, протягивая мне руку. – Пойдемте в круг!

– Увольте, князь, – поморщилась я. – Устала так, что ноги не ходят. Я просто посижу здесь.

Князь пожал плечами, улыбнулся виновато и ушел.

Ушел!

Мальчишка!

Сейчас я всё больше начинаю осознавать, какую ошибку совершила. Никогда Таман не предпочел бы мне какие-то танцы. Никогда бы не оставил меня одну в дурном расположении духа.

Прикрыла глаза, пытаюсь разобраться, что же не понравилось мне в Митрии. Чем-то он меня сейчас зацепил. Разозлил. Догадалась: запах. Он был с женщиной.

Никто не знает, а я знаю. Бабушка, наложница государева, была оборотнем. Чистокровным оборотнем, привезенным в качестве игрушки из дальних стран. Я оборотень на четверть. Это совершенно никак не проявляется внешне. Я не обращаюсь в зверя даже частично, я не становлюсь злой и нервной в полнолуние. Или становлюсь, но уж никак не злой. Скорее, потаенные желания тела рвутся наружу. А вот выносливость, зрение и обоняние у меня повышенные. Однако до сего дня я не знала, что можно вот так... чують.

Раньше ничего такого не было. Когда Волчек приезжал ко мне, от него ничем чужеродным не пахло. Значит ли это, что он не пускал в свою постель других? Наверное, да. Он и бывал-то у меня чуть не каждый день. Можно ли сыграть волнение, возбуждение, интерес к женщине? Я ему действительно нравилась, я видела.

Конечно, он и предположить не мог, что во мне нечистая кровь. Осмелился бы Волчек подойти ко мне, зная, что я учую его грех? Скорее всего, он не считает нужным хранить мне верность до свадьбы. Да и кто из мужчин бы сдерживался?

Только один. Которого я отвергла. Который не будет моим мужем. От Тамана никогда не пахло другой. Может, они и были там, в его ханском шатре, он же мужчина в конце концов. Но ни единого раза он не оскорбил меня, подойдя ко мне с запахом другой на теле.

Просто Таман мужчина, а Волчек мальчишка.

В степи рано взрослеют. В степи несладкая жизнь. Постоянный тяжелый труд, грязь, скотина, болезни... Зато в степи умеют ценить моменты счастья.

С Таманом я была бы как за каменной стеной – любимой женой, желанной женщиной. С Волчком мне придется быть госпожой, хозяйкой.

Стоп! Милослава, ты сейчас жалеешь себя. Жалость – неправильное чувство, которое утянет тебя на дно. Все решено, Таман был в твоей жизни, но его там больше нет. Да и есть ли он такой идеальный, или ты сама его выдумала? Думай о хорошем. Волчеку никогда не подарят наложницу, как это любят делать в степи. В доме оборотня никто не голодает. В доме оборотня никто не скажет слова против твоего. Ты останешься кнессой и будешь равна мужу. А в степи женщина молчит. У нее нет никаких прав, кроме как согреть мужу постель и рожать детей. Поэтому успокой свои терзания и вспомни о том, что сказала гадалка: всё зависит в первую очередь от тебя.

Тяжело дыша, рядом на землю плюхнулась Святослава – красивая, счастливая, раскрасневшаяся от танцев.

– Не сиди на земле, – привычно одернула ее я. – Простудишься. Девочкам нельзя сидеть на земле.

– Зануда ты, Милка, – пожала плечами Славка, но послушалась, встала, прислонилась спиной к широкому стволу дерева. – Волчека видела?

– Видела, – кивнула я. – Звал меня танцевать.

– Отчего не пошла?

– Скучно, – ответила я. – Да и устала, сил нет.

– Я тоже утомилась, – призналась сестра. – Ног не чувствую, в боку колет. Пойдем домой?

Как две калеки, поползли к дому, держась друг за друга. Я не обманывала, ноги у меня после вчерашней беготни по торговому ряду ломило. Славка тоже выдохлась, все же не привыкли мы в деревне к такому темпу жизни. На дальние расстояния мы всё больше ездим на лошади, а дома много сидим, а то и лежим в горницах. А Славка так и вовсе у нас изнеженная барышня.

Дойдя до дому, сразу завалились спать.

Мы остались и на третий день – уже не на ярмарке, а гуляли по городу. Побывали у портнихи, сняли мерки, заказали новые платья. Купили обувь, разные женские мелочи типа гребней, зеркалец, чулок, иголок, ниток.

Отец завел нас и в ювелирную лавку, лично выбрав украшения: мне жемчужные серьги, Славке заколки с рубинами, мачехе – тонкие золотые браслеты, будущему ребенку пару серебряных погремушек.

Мы с сестрой приготовили подарки и для всех слуг: кому костяной гребень с ручным бисером, кому теплую цветастую шаль, кому шерстяной пряжи ярких цветов. Для бабки купили несколько пар очков – вдруг какие да подойдут.

Скрепя сердце, выбрала свадебный дар для будущего мужа: красивый кинжал с костяной рукояткой в кожаных ножнах. Отец помог с выбором, все же в оружии я не разбираюсь.

Обратно упростила отца ехать с телегами: подозревала, что это последние дни моей свободы. Такой я навсегда надеялась сохранить в памяти эту осень: легкой, беззаботной, свободной. Когда мы бегаем с сестрой, Агнешкой и кнессинками Василевскими по дороге, обгоняя телеги, когда хохочем от счастья молодости, когда засыпаем в телеге с тканями в обнимку, закутавшись в шали, когда безбожно хвастаемся обновками и смело обсуждаем женихов и мужей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.